МД10 911

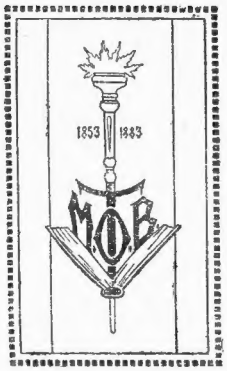
ВЛ. СЕМЕНОВЪ

АДМИРАЛЪ СТЕПАНЪ ОСИПОВИЧЪ МАКАРОВЪ

Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. [illegible]. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13. | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913


1853
1983
M.O.B.

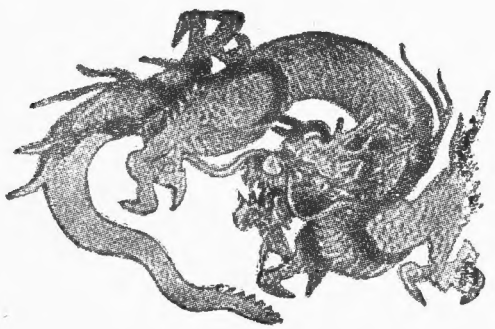
Адмиралъ
СТЕПАНЪ ОСИПОВИЧЪ МАКАРОВЪ.

МД 10
911

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

АДМИРАЛЪ СТЕПАНЪ ОСИПОВИЧЪ МАКАРОВЪ

Съ портретомъ адмирала С. О. Макарова



1744/4

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13.
МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1913

2772

Печать Типографія
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1913

Государств. публичная
историческая
библиотека
919382

I.

НЕ берусь писать ни біографіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ни монографіи о жизни и дѣятельности адмирала, образъ котораго такимъ яркимъ свѣтовымъ пятномъ выдѣляется на сѣренькомъ фонѣ общаго равненія на средину, въ затылокъ и въ ранжиръ, господствовавшаго въ русскомъ флотѣ конца XIX вѣка и приведшаго къ Шантунгу и Цусимѣ.

Это—задача историковъ. Я же — не болѣе, какъ скромный лѣтописецъ, передающій читателямъ краткія записи своего дневника, въ которомъ отмѣчены не только выдающіяся событія, но и тѣ мелочи, изъ которыхъ они складывались.

А вѣдь нельзя не согласиться, что иной разъ увѣсистый томъ историческаго изслѣдованія меньше говоритъ сердцу, чѣмъ какой-нибудь «историческій анекдотъ», характеризующій данную эпоху или ея дѣятеля. Вотъ почему я и рѣшился подѣ-

литься съ читателями тѣми «историческими анекдотами», которые были записаны мною за время совмѣстной службы съ покойнымъ адмираломъ.

Идея централизаціи власти врядъ ли гдѣ еще получила такое яркое примѣненіе, какъ въ морскомъ вѣдомствѣ, со времени вступленія на постъ управляющаго министерствомъ адмирала Чихачева.

Путемъ различныхъ циркуляровъ и приказовъ по морскому вѣдомству, а въ особенности «разъясненій» адмиралтействъ-совѣта (этого морского сената), не только просто «командиры», но даже «главные командиры» портовъ были, de facto, вовсе лишены той «автономіи», которая предоставлялась имъ и понынѣ неотмѣненнымъ «Наказомъ».

Это вѣяніе особенно сказывалось на положеніи главнаго командира Кронштадтскаго порта, благодаря его близости къ адмиралтейскому «шпицу».

Про одного изъ предшественниковъ адмирала Макарова мѣстные остряки говорили даже, что это не болѣе какъ... автоматъ, подвѣшенный на концѣ телеграфной (еще чаще—телефонной) проволоки, начало которой скрывается въ нѣдрахъ Главнаго Адмиралтейства, и что въ силу подобнаго положенія вещей онъ изъ «начальника» превратился въ «шефа», который царствуетъ, но не управляетъ. А потому, если, подражая Цинцин-

нату, онъ посвящаетъ свои досуги садоводству, взращивая хризантемы, о какихъ не снилось ни Фрейндлиху, ни Эйлерсу, то это только похвально.

Трудно сказать, чего было больше въ этихъ остротахъ—добродушнаго юмора или горечи...

Но вотъ, на мѣсто «шефа» Кронштадтскаго порта былъ назначенъ С. О. Макаровъ—и началась строго-закономѣрная война за возстановленіе «Наказа», за возстановленіе правъ, узурпированныхъ петербургскими канцеляріями.

Это дѣло покойный адмиралъ считалъ первѣйшимъ.

Правда, незамѣтно, исподволь установившійся порядокъ для всякаго другого представлялъ собою величайшую приманку: почти полную безотвѣтственность. Но это было не по характеру адмирала. Онъ не боялся отвѣтственности; больше того—не боялся самыхъ ошибокъ, за которыя могли бы привлечь его къ отвѣтственности. Любимой его поговоркой было: «Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ».

И отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ онъ требовалъ прежде всего «дѣла», строго различая неопытность—отъ небрежности, неумѣнье—отъ нежеланія.

Надо ли говорить, что подобное отношеніе къ

своимъ обязанностямъ было встрѣчено далеко несочувственно въ мирно дремавшемъ Кронштадтѣ, а декларація «о правахъ» нашла самое энергичное, хотя и глухое, противодѣйствіе въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства.

Конечно, всего сразу не сдѣлаешь, плетью обуха не перешибешь. Адмиралъ и самъ хорошо это чувствовалъ. На штурмъ онъ не пошелъ, а двинулся сапой (хоть не всегда выдерживалъ характеръ), въ надеждѣ отвоевать утраченныя позиціи.

Наибольшимъ препятствіемъ къ осуществленію этой надежды была близость къ Петербургу, возможность постояннаго, полу-оффиціальнаго вмѣшательства въ дѣло управленія портомъ при посредствѣ бесѣдъ по телефону.

На почвѣ борьбы «за право исполнять свои обязанности» (какъ выразился однажды покойный) отношенія его со «шпицемъ» не разъ обострялись, а весной 1903 г. дѣло дошло до того, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Конечно, прошенію этому не было дано хода: все уладилось... но чрезвычайно интересна для характеристики С. О. та «капля, переполнившая чашу», которая побудила его къ такому рѣшительному поступку.

С. О. самъ сдѣлалъ свою карьеру, самъ, соб-

ственной головой и руками, проложилъ себѣ путь, а потому, естественно, былъ злѣйшимъ врагомъ непотизма, такъ прочно укоренившагося въ нашемъ флотѣ. Просьба флагмана или капитана *) объ офицерѣ, отличившемся своей службой, была для него священной; но протекція береговыхъ жителей, особенно дамъ, чаще приносила вредъ, нежели пользу.

— Ну, да, конечно...—подбодрялъ онъ почтеннаго просителя или просительницу, заводившихъ рѣчь о своемъ протежэ, и вдругъ перебивалъ ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ какимъ-нибудь неожиданнымъ и не относящимся къ дѣлу вопросомъ...

Разумѣется, даже при той работоспособности, какою былъ надѣленъ С. О., усмотрѣть за всѣми назначеніями офицеровъ своего порта во внутреннее плаваніе, разобраться въ этихъ назначеніяхъ главному командиру просто не было времени; но кое-что, наиболѣе яркое, не ускользало отъ его вниманія.

Замѣтилъ онъ однажды, что нѣкій юноша

---

*) С. О. рѣзко различалъ «флагмановъ и капитановъ», т.-е. плавающихъ моряковъ, отъ «адмираловъ и командировъ», проживающихъ на берегу.

упорно, изъ года въ годъ, пристраивается на какую-нибудь яхту или недвижущійся миноносецъ (есть и такіе), явно уклоняясь отъ плаванія на линейныхъ судахъ—и, не смотря ни на какія просьбы, приказалъ хоть силкомъ вытащить его на соленую воду.

Право главнаго командира назначать во внутреннемъ плаваніи любого офицера своего порта на любой корабль того же порта до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что даже адмиралтействъ-совѣтъ, и тотъ никогда не пытался его «разъяснить». Положеніе казалось безвыходнымъ... Но умные люди выходъ нашли. Ужъ и приказъ былъ набранъ въ типографіи штаба порта, и корректура оттиснута и выправлена... Зазвонилъ телефонъ въ кабинетѣ главнаго командира (это значитъ—не кто-нибудь!)—Алло!..—Да, я... хотѣлъ, на всякій случай, предупредить... мичмана N ближайшимъ приказомъ переводимъ въ одинъ изъ петербургскихъ экипажей... Просили... Такъ вотъ... чтобъ не угнали куда-нибудь—все равно, списывать придется...

Этимъ способомъ милый юноша былъ изъятъ изъ предѣловъ досягаемости власти главнаго командира.

Просто и хорошо.—Но я никогда не видѣлъ

адмирала такимъ «встравленнымъ», какъ въ тотъ вечеръ.

* * *

Помимо войны съ «шпицемъ», стремившимся держать главнаго командира привѣшеннымъ на концѣ телефонной проволоки, надо было всколыхнуть еще и то мирно дремлющее болото, обитатели коего, въ противоположность лягушкамъ извѣстной басни, вовсе и не просили Зевса о новомъ царѣ. Онъ явился сверхъ всякаго ихъ ожиданія.

Отошли въ прошлое добродушно-насмѣшливые разсказы о томъ, что главный командиръ «не принимаетъ» потому, что «занятъ».—А чѣмъ?—Подрѣзкой молодыхъ деревьевъ, прививкой дичковъ или, въ персиковой оранжереѣ, переносомъ (при посредствѣ кисточки—за отсутствіемъ мухъ) цвѣточной пыли съ одного цвѣтка на другой...

День распредѣлялся иначе.

Съ 8 ч. 45 м. до 9 ч. утра главный командиръ принималъ «являющихся по службѣ», а также тѣхъ, кто имѣлъ срочный докладъ и просилъ о назначеніи для него опредѣленнаго часа въ тотъ же день; отъ 9 до 11 ч. утра—объѣздъ торговыхъ учрежденій, казармъ, кораблей въ гавани, всегда неожиданный; съ 11 до $11^1/_2$ ч. утра—спѣшныя,

но несложныя дѣла; съ $11^1/_2$ до полудня (иногда затягивалось)—докладъ начальника штаба порта; завтракъ; съ 1 ч. до $1^1/_2$ ч.—пріемъ просителей (по должности главнаго командира и военнаго губернатора); въ 2 ч. дня докладъ капитана надъ портомъ и сопровождающихъ его старшихъ портовыхъ техниковъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, объѣздъ производящихся въ порту работъ. Въ 5 ч. пополудни адмиралъ (за самыми рѣдкими исключеніями—что-нибудь очень спѣшное) возвращался домой, раздѣвался, ложился въ постель и (каковы нервы!) моментально засыпалъ; въ 5 ч. 45 м. его будили, и онъ, принявъ душъ, одѣвался къ обѣду. За обѣдомъ всегда былъ кто-нибудь изъ «нужныхъ на сегодня» людей (часто тѣ, что просили срочнаго доклада), такъ что и послѣобѣденный кейфъ оказывался утилизированнымъ; съ 8 до 10 ч. вечера—внѣ-очередные доклады начальниковъ отдѣльныхъ частей; послѣ 10 ч.—составленіе или редактированіе доклада или записки по дѣламъ порта совмѣстно съ кѣмъ-нибудь изъ спеціально приглашенныхъ техниковъ или начальниковъ отдѣльныхъ частей, никогда не задерживаемыхъ позже $11^1/_2$ ч. вечера (вечерній чай, въ большинствѣ случаевъ, подавался въ рабочій кабинетъ). Послѣ $11^1/_2$ ч. адмиралъ занимался «своимъ» дѣ-

ломъ, диктуя «барышнѣ-машинисткѣ» или споря о томъ, что́ собирался продиктовать, съ тѣми, съ кѣмъ привыкъ дѣлиться своими мыслями (скажу безъ ложной скромности—нерѣдко эта честь выпадала на мою долю). Не позже 1 ч. ночи адмиралъ ложился спать; вставалъ обычно въ 7 ч. утра, принималъ душъ, дѣлалъ гимнастику, одѣвался, пилъ чай, а затѣмъ—въ 8 ч. 45 м. пріемъ «являющихся по службѣ» и т. д.

Такъ изо дня въ день.

По закону отъ главнаго командира не требуется какого-либо писаннаго отчета о его дѣятельности, о мѣрахъ, имъ принятыхъ, о его пожеланіяхъ на будущее; но С. О., вообще мало считавшійся съ тѣмъ, что онъ пренебрежительно называлъ «канцелярской отпиской», основанной на «понеже» и «поелику», нашелъ совершенно необходимымъ представить по начальству такого рода отчетъ за первые два года своего управленія портомъ. Отъѣздъ на войну и безвременная гибель не дали ему возможности закончить слѣдующій, въ которомъ (какъ я это хорошо знаю) онъ собирался выложить весь свой горькій опытъ, высказаться еще болѣе опредѣленно, чѣмъ въ первомъ, хотя... и въ первомъ было сказано достаточно, и еслибы на этотъ отчетъ (несомнѣнно хранящійся

въ архивахъ морского министерства) было обращено должное вниманіе — какъ знать? — можетъ быть, «Цусима» не была бы для русскаго человѣка такимъ же незабываемымъ словомъ, какимъ для француза является «Седанъ»...

Мой экземпляръ этого отчета, полученный (въ качествѣ сотрудника по составленію его) лично отъ адмирала, съ его автографомъ (за номеромъ и весьма секретно)—погибъ въ бою. Цитировать на память—не рѣшаюсь. Документъ этотъ, несомнѣнно, сдѣлается, со временемъ, достояніемъ исторіи, и тогда—разберутся... Я же позволю себѣ остаться исключительно на почвѣ «историческихъ анекдотовъ», мною записанныхъ.

Почти всю мою службу (за исключеніемъ двухъ лѣтъ въ академіи, да отпусковъ, которыхъ набралось больше года) я провелъ въ плаваніи на Дальнемъ Востокѣ, и какъ прирожденный «строевикъ», питалъ отвращенье, «родъ недуга», ко всякимъ береговымъ должностямъ въ штабахъ, канцеляріяхъ, управленіяхъ и т. п.

При такомъ моемъ настроеніи, осенью 1901-го года мнѣ было предложено занять мѣсто адъютанта штаба Кронштадтскаго порта, соединенное (чего еще не хватало!) съ должностью старшаго адъютанта военнаго губернатора...

И тѣмъ не менѣе, я охотно согласился, потому что главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ г. Кронштадта былъ въ то время вице-адмиралъ С. О. Макаровъ, съ которымъ я раньше никогда не служилъ, но о которомъ даже среди «матрозни», собиравшейся на бакѣ «у фитиля» *), много слышалъ.

По совѣсти говоря, я не раскаялся въ моемъ рѣшеніи принять «береговую» должность. Служить съ адмираломъ было нелегко. Приходилось частенько не доѣдать и не досыпать, но въ общемъ—жилось хорошо.

Отличительной чертой его нрава (которою я, какъ *строевикъ*, не могъ не восхищаться) являлась вражда ко всякой рутинѣ, ко всякой канцелярщинѣ и, положительно, ненависть къ излюбленному пріему столоначальниковъ и дѣлопроизводителей «гнать зайца дальше»—т. е., во избѣжаніе отвѣтственности за самостоятельное рѣшеніе вопроса, сдѣлать на бумагѣ (хотя бы наисрочнѣй-

*) На корабляхъ военнаго флота командѣ запрещено имѣть спички и курить гдѣ-либо, кромѣ особо указаннаго мѣста, гдѣ имѣются: кадка съ водой — для бросанія окурковъ и кадка съ «фитилемъ», отъ котораго закуриваютъ. Офицеры, находясь въ «палубахъ», также не имѣютъ права курить, а если захочется—должны идти къ «фитилю». Тутъ-то и можно всего наслушаться.

шей) соотвѣтственную надпись и послать ее куда-нибудь въ другое мѣсто «на заключеніе», или «для справки».

Единственные (правда, весьма рѣдкіе) случаи, когда адмиралъ, теряя самообладаніе, дѣлалъ выговоры въ рѣзкой формѣ, грозилъ судомъ и всякими административными карами, бывали именно тогда, когда внезапно обнаруживалось съ чьей-нибудь стороны стремленіе «гнать зайца дальше», утопить важное, срочное дѣло въ пучинѣ канцелярской обрядности.

Весьма характеренъ взглядъ С. О. на дисциплину—это понятіе, для выраженія котораго на русскомъ языкѣ не нашлось подходящаго *слова*.—Весь дисциплинарный уставъ—говаривалъ онъ—полностью убирается въ одну фразу присяги: «не токмо за страхъ, но за совѣсть». Человѣкъ, проникнутый ея духомъ, никогда не нарушитъ дисциплины, въ высокомъ значеніи этого слова, хотя бы никогда и не заглядывалъ въ дисциплинарный уставъ. «Молчать, когда я съ тобой разговариваю!»—это вовсе не дисциплина, а аракчеевщина. Яковъ Долгорукій, разорвавшій указъ Петра Великаго, не нарушилъ дисциплины!..—

Не осмѣлюсь утверждать, чтобы С. О. избралъ меня повѣреннымъ своихъ сокровенныхъ мыслей,

но все же, какъ кажется, онъ часто говорилъ со мной «по душѣ». Однажды, послѣ горячей (по телефону) перепалки со «шпицемъ», онъ вдругъ заявилъ мнѣ:—Знаете, какъ по нынѣшнимъ временамъ толкуютъ слова присяги? Какъ требованіе за «совѣсть», т.-е. по убѣжденію, насквозь проникнуться однимъ только «страхомъ»! Но только меня землю бородой мести не заставишь!—

Такимъ пониманіемъ дисциплины были проникнуты и всѣ отношенія С. О. къ его подчиненнымъ.

Самъ обладая способностью на лету, съ полуслова, схватывать суть дѣла, онъ терпѣть не могъ «пространныхъ изложеній», но никогда не сердился, если докладчикъ, не успѣвавшій слѣдить за его мыслью, что-нибудь путалъ по неумѣнью комбинировать факты или не могъ быстро найти въ своихъ бумагахъ необходимую справку. Въ такихъ случаяхъ адмиралъ охотно и умѣло приходилъ къ нему на помощь; зато всякая попытка «навести туманъ» встрѣчала самое энергичное противодѣйствіе. Принимая докладъ, результатомъ котораго должно было явиться опредѣленное рѣшеніе, адмиралъ умѣлъ заставить докладчика выложить чистосердечно все, не исключая даже сомнѣній, умѣлъ заставить отнестись къ казенному

дѣлу не по канцелярскому шаблону, а какъ бы къ дѣлу личному. Если докладчикъ, не соглашаясь съ его мнѣніемъ, приводилъ свои доводы, онъ только радовался, никогда не «обрывалъ», а просто «спорилъ» и нерѣдко уступалъ, принявъ въ соображеніе новыя данныя, ранѣе ускользнувшія отъ его вниманія.

Выходя отъ него, докладчикъ могъ съ полнымъ правомъ, считать что уносимая имъ резолюція есть логическій выводъ изъ его собственной работы, всесторонне и при его же участіи использованной главнымъ командиромъ.

— Я знаю, что мое приказаніе должно быть, и будетъ, исполнено въ точности. Никакого самоуправства я не потерплю!—говаривалъ адмиралъ.— Но важно, какъ оно будетъ исполнено? Съ яснымъ сознаніемъ, что такъ и нужно, или изъподъ палки?—

Наихудшимъ зломъ онъ считалъ затаенное несогласіе со взглядами начальника, прикрытое казенной формулой: «какъ прикажете».—Такъ никогда толку не выйдетъ! Пусть лучше прямо говоритъ и даже рѣзко! Пусть споръ, даже ссора! Вѣдь не о четвертомъ измѣреніи разсуждаемъ, не метафизикой занимаемся! Подъ руками самые заурядные факты, въ которыхъ всякій и можетъ, и

долженъ умѣть разобраться! Если мы оба не безъ царя въ головѣ, то неминуемо придемъ къ тому же выводу, а если не сможемъ—значитъ на разныхъ языкахъ говоримъ, толковать намъ больше не о чемъ, да лучше и не пробовать. Не пойдетъ наша работа! Пассивное повиновеніе—это почти то же, что пассивное сопротивленіе!—

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то рѣзкое различіе, которое С. О. дѣлалъ между проявленіемъ личной иниціативы и неисполненіемъ приказанія. Люди, не понимающіе этого различія, часто обвиняли его въ пристрастіи къ той самой «аракчеевщинѣ», противъ которой онъ такъ горячо боролся. На самомъ дѣлѣ онъ не только предоставлялъ каждому самую широкую иниціативу въ предѣлахъ его компетенціи, но даже требовалъ ея, а что касается «предѣловъ», то всегда относился снисходительнѣе къ попыткамъ ихъ расширенія, нежели къ отговоркѣ: «по закону не имѣлъ права». Зато и за собой онъ признавалъ право на такую же иниціативу, и приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній считалъ обязательнымъ для своихъ подчиненныхъ.

По его правилу всякій, даже самый малый чинъ могъ высказывать свое мнѣніе, подавать совѣты, но разъ рѣшеніе было (главнымъ команди-

ромъ) принято, приказаніе отдано — оно должно было быть исполнено во что бы то ни стало. Если обнаруживались какія-нибудь новыя обстоятельства, о нихъ надо было немедленно сообщить ему, не стѣсняясь временемъ (хотя бы среди ночи, разбудивъ и позвавъ къ телефону), но остановить исполненіе приказанія или измѣнить его по личному усмотрѣнію — это онъ считалъ почти личнымъ оскорбленіемъ.

Такой взглядъ на дѣло отнюдь не покажется страннымъ, если принять во вниманіе указанный выше способъ, которымъ С. О. приходилъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Въ поясненіе приведу два случая, мелочныхъ, но цѣнныхъ тѣмъ, что не разсказываются на память, а были записаны тогда же.

Требовалась спѣшная выгрузка песку съ баржъ землечерпательнаго каравана. Рабочихъ рукъ не хватало. Адмиралъ, обсудивъ вопросъ съ начальникомъ каравана, пришелъ къ заключенію, что «необходимо», и приказалъ нанять рабочихъ сверхъ комплекта. На слѣдующій день, при посѣщеніи мѣста работъ, начальникъ каравана (полковникъ) докладываетъ, что «вольные» запросили, вмѣсто обычнаго гривенника, пятиалтынный, а потому онъ пошелъ справиться въ портовую контору,

гдѣ дѣлопроизводитель сказалъ ему о недопустимости такого перерасхода.—Такъ, значитъ, вы, посовѣтовавшись съ дѣлопроизводителемъ и не спросившись меня, рѣшили отмѣнить мое категорическое приказаніе? — Адмиралъ даже поблѣднѣлъ и возвысилъ голосъ, что съ нимъ такъ рѣдко случалось.—Вы! старый офицеръ! И хоть бы сами! а то... по указкѣ чиновника!

Полковникъ (человѣкъ нрава не особенно сладкаго) стоялъ вытянувшись, держа руку подъ козырекъ... Видимо, внутри у него все кипѣло...—Вы, ваше превосходительство, сами знаете, что портовая контора...—началъ-было онъ глухимъ, но рѣшительнымъ тономъ.—Не сердитесь, пожалуйста!—перебилъ его адмиралъ.—Это я черезъ вашу голову... Прошу помнить только, что главный командиръ порта—я, а не дѣлопроизводители, сколько бы ихъ тамъ ни было! И вамъ, получившему приказаніе лично отъ меня и по вашему же докладу, слѣдовало просто рукой махнуть на премудрыя разсужденія какого-то столоначальника!..

Другой случай еще болѣе мелочный, но не менѣе характерный. На завтра предстояло отбытіе изъ Кронштадта французской эскадры, съ президентомъ Лубэ. Точный срокъ отбытія не былъ извѣстенъ; онъ зависѣлъ отъ того времени, какъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

кончится парадный завтракъ на «Montcalm». Французскіе контръ-миноносцы, стоявшіе на Невѣ, у Николаевскаго моста, получили приказаніе выйти изъ Петербурга въ Кронштадтъ въ 7 часовъ утра. По этому поводу и въ предвидѣніи того, что, несомнѣнно, будутъ «загулявшіе», французскій адмиралъ просилъ С. О. о дружеской услугѣ—послать какой-нибудь портовый пароходъ забрать опоздавшихъ, такъ какъ уже въ 6 часовъ утра суда въ Петербургѣ начнутъ поднимать шлюпки и готовиться къ походу.

— Кто-жъ у насъ есть свободный?—спрашивалъ меня С. О.—Всѣ въ нарядѣ, кромѣ колеснаго парохода № 4... Впрочемъ довольно помѣстительный и чистенькій...—Такъ его и послать. Въ 4 часа утра пусть идетъ отсюда, а въ семь—чтобы отваливалъ отъ Англійской набережной.

Я заспорилъ и сталъ доказывать, что «нѣтчики», какъ всѣмъ извѣстно, обычно опаздываютъ на самые пустяки, но противъ самаго крайняго срока, когда еще можно надѣяться попасть на корабль при посредствѣ «вольной» шлюпки (ялика), а потому лучше бы нашему пароходу отвалить не въ семь, а въ восемь, даже въ девять часовъ утра.

— Совершенно правильно! — перебилъ меня адмиралъ,— но я ужъ обѣщалъ французамъ паро-

ходъ въ семь часовъ утра, и сами они такъ просили.—Вотъ, еслибъ нашелся какой-нибудь другой, свободный, чтобъ послать дополнительнымъ рейсомъ...—Другого нѣтъ... придумать не могу... А что, если бы попросить Петербургскій портъ?—Неудобно. Скажутъ еще, что суюсь не въ свое дѣло, обидятся. Вотъ развѣ... поговорите вы, по-пріятельски, съ адъютантомъ главнаго штаба... Изъ нашей бесѣды не дѣлайте отъ него секрета, а онъ, можетъ быть, и распорядится.

Пока я вернулся домой, пока дозвонился до адъютанта главнаго штаба и переговорилъ съ нимъ—оказалось уже два часа ночи. Пожалѣлъ будить адмирала докладомъ объ успѣшномъ результатѣ переговоровъ, зато въ семь часовъ, только вскочивъ съ постели, сообщилъ по телефону, что, кромѣ нашего № 4, для французскихъ «нѣтчиковъ» будетъ пароходъ «Фонтанка», который отвалитъ отъ Англійской набережной въ 9 часовъ утра.—Адмиралъ одѣвался, и телефонъ принялъ курьеръ.

Около восьми часовъ утра—телефонъ ко мнѣ:—Васъ проситъ къ себѣ главный командиръ.—Иду, изумляясь столь раннему вызову. Встрѣчаетъ учтиво, но «видъ звѣрскій», и говоритъ такъ мягко:—Можетъ быть, я забылъ, такъ прошу на-

помнить... мнѣ кажется, я не отмѣнялъ моего приказанія о посылкѣ въ Петербургъ № 4?—Нѣтъ, ваше превосходительство, не отмѣняли...—Такъ кто же позволилъ себѣ, не спросясь меня, отмѣнить его рейсъ въ виду того, что отъ Петербургскаго порта назначена «Фонтанка»?..—Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ, выдерживая стиль:—Никто вашего приказанія не отмѣнялъ. № 4 вышелъ изъ Кронштадта въ 4 часа утра, и если въ пути не имѣлъ аваріи, то не позже какъ черезъ полчаса долженъ вернуться, отваливъ отъ Англійской набережной ровно въ семь.—А «Фонтанка»?—«Фонтанка» отвалитъ въ девять.—Что-жъ вы мнѣ докладывали...—Не я, а курьеръ, который, вѣроятно, не такъ понялъ...—Простите за напрасное безпокойство...

Инцидентъ былъ исчерпанъ.

* * *

Не разъ и впослѣдствіи, въ Портъ-Артурѣ, я самъ себя спрашивалъ: чему именно былъ С. О. обязанъ своей популярностью среди сѣрой массы? А популярность эта, несомнѣнно, существовала. О ней свидѣтельствовалъ тотъ взрывъ энтузіазма, которымъ привѣтствовалось его назначеніе командующимъ флотомъ Тихаго океана, тотъ всенарод-

ный трауръ, въ который одѣлась Россія при извѣстіи о его трагической гибели. Мнѣ думается, что я могу дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Команда видѣла и чувствовала въ немъ своего человѣка—строгаго начальника, но не «барина», который «чудитъ», потому что для него «законъ не писанъ», а перваго среди чернорабочихъ, не бѣлоручку, который умѣетъ только покрикивать.

И какъ онъ умѣлъ двумя-тремя словами ударить ихъ по сердцу... Вотъ примѣръ: осенью 1902-го года уходилъ изъ Кронштадта на Дальній Востокъ отрядъ контръ-адмирала барона Штакельберга. Всѣ церемоніалы закончены; послѣдніе запасы приняты; съемка съ якоря назначена въ 10 часовъ утра, а въ 9 часовъ, какъ сообщено сигналомъ, главный командиръ пріѣдетъ проститься. Еще въ ночь такъ задуло отъ SW, что всякое сообщеніе съ берегомъ (не только на гребныхъ, но даже и на паровыхъ шлюпкахъ) прекратилось. Утромъ, чуть посвѣтлѣло настолько, что можно было различить флаги (не помню—въ концѣ сентября это было или въ началѣ октября), съ отряда, конфиденціально, спросили: не отмѣненъ ли походъ?—Отвѣтомъ было: «Форма—пальто». Это значило, что главный командиръ будетъ, но

чтобы офицеры и команда не мерзли, ожидая его прибытія, въ парадной формѣ.

Къ 8-ми часамъ утра, какъ было назначено наканунѣ, начальство собралось на Петровской пристани; явился и главный командиръ, не признававшій опозданія. Многіе надѣялись, что «выходъ» будетъ отмѣненъ изъ-за погоды, но я на это не разсчитывалъ и заранѣе принялъ мѣры «къ исполненію приказанія».

Адмиралъ, наскоро поздоровавшись съ лицами, долженствовавшими составить его свиту, вышелъ на край пристани, посмотрѣлъ на катера, прыгавшіе у ея сходни, и сказалъ:—На этихъ не добраться.—Такъ точно.—На чемъ же? Кругомъ заговорили, что проще всего сдѣлать сигналъ: «Желаю благополучнаго плаванія», что не стоитъ задерживать отрядъ въ ожиданіи, пока погода стихнетъ, а сейчасъ ѣхать невозможно, и т. п.

— На чемъ же я поѣду?—рѣзко перебилъ адмиралъ, обращаясь ко мнѣ.—Вѣдь я вамъ приказалъ, чтобы къ $8^1/_2$ часамъ были средства сообщенія съ рейдомъ?

— Такъ точно. Вотъ ледоколъ № 2 готовъ подойти къ пристани *).

---

*) Ледоколы №№ 1 и 2—портовые буксирные пароходы, крѣпкой постройки, обладающіе хорошими морскими каче

— А!.. И прекрасно!.. Господа! кто со мной? Ѣхать необязательно...

Разумѣется, всѣ «почли долгомъ»...

Поматывало даже въ гавани, а на рейдѣ—мотало во всю.

— Прикажете поднять брейдъ-вымпелъ?

Адмиралъ оглянулся на корму, гдѣ трепался по вѣтру портовый флагъ (синій съ бѣлымъ якоремъ).

— На портовомъ пароходѣ не полагалось бы... А впрочемъ... прикажите поднять! Не мѣсто краситъ человѣка!..—и адмиралъ засмѣялся весело, даже задорно.

Суда отряда стояли въ полной готовности къ походу.—Шлюпки подняты и убраны въ ростры. Только съ подвѣтренной стороны еще не убраны трапы для пріема начальства, не отмѣнившаго своего посѣщенія; не смотря на погоду.

Подошли къ ближайшему крейсеру. Лихо управлялся шхиперъ ледокола (старый боцманъ, не стерпѣвшій «береговой» жизни и опять «нанявшійся» къ родному дѣлу), не зѣвала команда... а все-же трапъ здорово крякнулъ...

ствами (самое ихъ названіе говоритъ о работѣ во льдахъ), укомплектованные вольнонаемной командой изъ сословія «морскихъ волковъ».

Для высадки приходилось «ловить моментъ».

Первымъ, конечно, выскочилъ адмиралъ. Удачно, если не считать, что его «накрыло» волной, ходившей до средней площадки. За нимъ прыгнулъ начальникъ штаба, потомъ—я. Два другіе адмирала (достаточно грузные) воздержались. Кое-кто изъ свиты—тоже.

На шканцахъ адмиралъ, словно не замѣчая, что вода съ него ручьемъ течетъ, принялъ рапортъ начальника отряда, командира и вахтеннаго начальника, поздоровался съ офицерами, а затѣмъ пошелъ по фронту команды.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!—дружно рявкнули обѣ вахты.

— Какова погода? Кронштадтъ, на прощанье, расхвастался! Да гдѣ ему противъ Артура! Тамъ почище увидите!.. Смотри, не подгадь! Дай Богъ, молодцы, въ добрый часъ!..

— Рады стараться! — Покорнѣйше благодаримъ!—Такъ точно!—нестройно, но дружно загремѣло съ обоихъ бортовъ.

Казенныя слова... а мнѣ чудилось, что смыслъ въ нихъ—далеко не казенный. Чудилось, что, глядя на русую бороду, съ которой струилась вода,

многіе думали:—«Ишь, чортъ, пріѣхалъ таки проститься!.. Крѣпокъ на-слово!..»

Не эти ли люди занесли въ Артуръ, не они ли разнесли и по всей Россіи (вѣдь многіе ушли въ запасъ еще до войны) легенду о «Бородѣ», который любому старому матросу «пить дастъ»... Вѣдь я привелъ единичный случай, врѣзавшійся въ память, а сколько было другихъ, подобныхъ ему!..

На слѣдующемъ кораблѣ—та же исторія, но съ маленькимъ варьянтомъ: трапъ не только «крякнулъ», а просто «искостился».—Вылѣзали, можно сказать, по его обломкамъ и, разумѣется, приняли новую ванну...

На обратномъ пути, попутной волной, мотало изрядно, но зато не подхлестывало изъ-за борта. Одинъ изъ грузныхъ адмираловъ, не рѣшившихся на высадку, подбодрившись, корилъ шхипера:—Нечего сказать! Порадовали! Въ первый же заграничный портъ придутъ—чинить трапы.—Гдѣ поломали?—На прощанье, свои же...—Срамъ!..—Шхиперъ только ёжился, не рѣшаясь оправдываться... Мнѣ стало за него обидно, и я, подойдя къ «своему» адмиралу, разсказалъ... «насплетничалъ». С. О. сдѣлалъ видъ, будто ему это совсѣмъ неинтересно, и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Вошли въ гавань, подошли къ Петровской пристани. — Церемоніалъ отбытія «Главнаго Командира».

— А гдѣ шхиперъ?

Коренастый мужчина поспѣшно выступилъ впередъ, не снявъ, а какъ-то сдернувъ фуражку съ головы, покрытой шапкой черныхъ, съ сильной просѣдью, волосъ.

— Спасибо вамъ! Лихо управились!—молвилъ адмиралъ, энергично тряхнувъ его за руку.—А командѣ вашей—выдайте отъ меня по чаркѣ!—И обычнымъ, скорымъ шагомъ пошелъ домой. Старый боцманъ, ожидавшій «разноса», былъ совсѣмъ ошеломленъ, даже не нашелъ слова сказать въ отвѣтъ... А я, торопясь за начальствомъ, глянулъ на него и подумалъ:—«Вотъ и еще одинъ, который за «Бородой» пойдетъ въ огонь и въ воду»...

* * *

Чтобы покончить съ анекдотами о жизни и дѣятельности С. О. въ Кронштадтѣ, позволю себѣ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, хоть и боюсь, не явится ли такое упоминаніе оскорбительнымъ для его памяти... Какъ будто могло быть сомнѣніе?.. Ну, все равно! Я хочу сказать, что за время службы къ рукамъ адмирала не прилипло ни еди-

ной казенной копейки... Съ точки зрѣнія древнихъ римлянъ, конечно, это вовсе не заслуга, а лишь исполненіе долга, но по нынѣшнимъ временамъ—нельзя пройти молчаніемъ...

Въ этомъ отношеніи покойный доходилъ даже до мнительности. Такъ напримѣръ: за его личный счетъ уплачивалось жалованье «барышнѣ-машинисткѣ», приходившей по вечерамъ писать подъ его диктовку, хотя, казалось бы, чего проще—потребовать писаря, или даже младшаго чиновника, изъ штаба. Больше того: если какой-нибудь докладъ (служебный) адмиралъ хотѣлъ переписать и отправить на-спѣхъ—писаря, работавшіе ночью, получали вознагражденіе изъ собственнаго его кошелька.

Еще деталь: всѣ знаютъ (и смѣшно было бы отнѣкиваться), что въ Кронштадтѣ не считается преступленіемъ свезти на берегъ съ корабля, пришедшаго изъ-за границы, боченокъ или ящикъ вина мимо таможни. Конечно—не для продажи, а для личнаго употребленія. Сами таможенные смотрятъ на такія дѣла сквозь пальцы. А вотъ С. О. никогда не пользовался этой возможностью, которая для него, казалось бы, была легче легкаго. Вино изъ-за границы онъ выписывалъ, но все имъ выписанное неукоснительно шло черезъ

таможню и оплачивалось пошлиной.—Чудитъ вашъ адмиралъ!—говорили мнѣ, бывало, добрые знакомые зеленаго канта.

На себя лично С. О. тратилъ очень мало и велъ жизнь болѣе чѣмъ скромную. Сигары курилъ такія, что гости... всегда спѣшили завѣрить его въ своей исключительной приверженности къ папиросамъ. Когда, вмѣсто лѣтнихъ шинелей, были введены накидки, С. О. осмотрѣлъ мою, одобрилъ, но, справившись о цѣнѣ, свистнулъ и категорически заявилъ:—Это мнѣ не по карману! Шикарьте, пока не прогорѣли! Я въ «экономкѣ» [1]) за 25 цѣлковыхъ пріобрѣту!—

И это не было рисовкой. Дѣйствительно, С. О. только-только сводилъ концы съ концами, лишній разъ подтверждая старую истину, что «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

Послѣ своей трагической гибели на «Петропавловскѣ» онъ не оставилъ семьѣ ничего, кромѣ долговъ—правда, незначительныхъ—но все-же ничего болѣе, если не считать... славнаго имени...

* * *

*) Обмундировочная мастерская офицерскаго экономическаго общества

Благодаря своей изумительной работоспособности, покойный адмиралъ, всего себя, казалось бы, отдававшій службѣ, находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Помимо такихъ капитальныхъ работъ, какъ «Витязь и Тихій океанъ» и «Ермакъ во льдахъ», оцѣнку которыхъ предоставляю спеціалистамъ по гидрологіи и метеорологіи, имъ было написано нѣсколько книгъ и брошюръ, въ которыхъ онъ горячо проповѣдывалъ основной принципъ, что «море—для моряковъ», что фундаментомъ военно-морского искусства должно считаться «ремесло», которому можно научиться лишь на просторѣ океана, а никакъ не въ тиши кабинета.—Для моряка «въ морѣ» должно значить—«дома». Не только на берегу, но даже въ гавани, или на тихомъ рейдѣ—онъ лишь въ гостяхъ!—Эта идея была блестяще развита адмираломъ въ его брошюрѣ «Безъ парусовъ», тщательно замолчанной (излюбленный и всегда успѣшный пріемъ) не только спеціально морскою, но и вообще оффиціозною печатью. Оно и неудивительно. Вѣдь адмиралъ требовалъ, чтобы каждый офицеръ, носящій морской мундиръ, раньше чѣмъ удостоиться этой чести, прошелъ суровую школу изученія морского ремесла; онъ требовалъ черной работы отъ бѣлоручекъ, которымъ успѣшное прохожденіе

службы заранѣе обезпечивалось вліятельными родственниками, отъ милыхъ юношей, которые готовы были самоотверженно, ради пользы дорогой родины, посвятить свои силы ознакомленію съ морскимъ искусствомъ, но отнюдь «не тянуть лямку»...

И что̀ важнѣе всего—адмиралъ цифрами доказывалъ, что осуществленіе его идеи—долговременнаго пребыванія кораблей въ морѣ — вполнѣ возможно «безъ обремененія государственнаго казначейства», при разумномъ пользованіи тѣми средствами, которыя отпускались на содержаніе флота. Ересь получалась двухсторонняя...

Любимымъ дѣтищемъ покойнаго С. О. была его книга: «Разсужденія по вопросамъ морской тактики». Книга эта подверглась со стороны нашихъ морскихъ «сферъ» весьма недвусмысленному бойкоту, а потому въ Россіи успѣха не имѣла. Удостовѣрю тотъ фактъ, что ни за шесть лѣтъ пребыванія въ Морскомъ училищѣ, ни за два года пребыванія въ Морской Академіи, я ни на одной лекціи не слышалъ даже упоминанія о ней. Она не вошла даже въ списокъ тѣхъ сочиненій, которыми обязательно (отъ казны) снабжаются судовыя библіотеки.

И вотъ, лѣтомъ 1902-го года, пришло въ Крон-

штадтъ учебное судно съ гардемаринами флота Аргентинской республики (довольно издалека?). Командиръ этого корабля, носившаго имя «Presidento Sarmiente», при первомъ же свиданіи, привѣтствовалъ С. О., какъ учителя, чѣмъ привелъ послѣдняго въ искреннее недоумѣніе. Оказывалось, что въ Аргентинѣ морская тактика преподается по Макарову. Для вящшей убѣдительности, командиръ приказалъ одному изъ гардемариновъ принести свой «учебникъ», и несмотря на полное наше незнакомство съ испанскимъ языкомъ, всѣ мы могли удостовѣриться, что это дѣйствительно переводъ книги контръ-адмирала русскаго флота С. О. Макарова, отпечатанный въ какой-то типографіи Буэносъ-Айреса.

Командира даже обидѣло наше изумленіе.

Нашъ флотъ еще совсѣмъ молодой — заявилъ онъ,—но тѣмъ внимательнѣе мы слѣдимъ за литературой болѣе старыхъ морскихъ націй! Странно было бы, еслибы наши будущіе офицеры не были знакомы съ книгой, достоинства которой по справедливости оцѣнены въ государствахъ Стараго Свѣта.

А вотъ у насъ, въ Россіи, эту книгу... почти бойкотировали. Невольно приходило на память старое изреченіе:—«Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ»...

* * *

Конецъ III-ей, вся IV-ая и V-ая главы моей книги: «Расплата»*) посвящены описанію того, что̀ мы переживали въ П.-Артурѣ за краткій періодъ времени, когда «эскадра» воскресла, найдя, въ лицѣ покойнаго адмирала, своего «настоящаго» **), какъ лаконически опредѣляли его команда и офицеры.

«Расплата»—это мой дневникъ, изложенный въ литературной формѣ. Пересказывать его—значило бы повторяться, а этого я не хочу, тѣмъ болѣе, что мнѣ грѣхомъ кажется выбросить хоть одно слово изъ записаннаго тогда на мѣстѣ, въ самый моментъ совершавшагося событія.

Дополнить? — Пожалуй, есть чѣмъ дополнить или, вѣрнѣе, освѣтить нѣкоторыя подробности, малозамѣтныя въ сжатой формѣ дневника, богатаго фактами, но бѣднаго ихъ истолкованіемъ.

Не знаю въ точности, какого числа февраля состоялось въ Петербургѣ оффиціальное назначеніе адмирала Макарова «командующимъ флотомъ Тихаго океана». Почему-то извѣстіе объ этомъ назначеніи считалось тайной «штаба намѣстника», но, de facto, это былъ секретъ полишинеля. Путейцы, пользовавшіеся своимъ (желѣзнодорожнымъ)

*) Вл. Семеновъ.—Расплата.—Трилогія. I. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры.—5-е посмертное изданіе, съ портретомъ автора.

**) The right man in the right place.

телеграфомъ, не подлежавшимъ цензурѣ, уже 7 февраля - разсказывали пріятелямъ, что «Макаровъ вчера выѣхалъ изъ Петербурга, принявъ назначеніе съ условіемъ: Алексѣеву въ его дѣла не путаться». Съ этого момента, что̀ бы ни случилось, гдѣ бы ни выходило заминки,—всѣ и всегда подбодряли себя мыслью: «Вотъ пріѣдетъ Макаровъ»...

Откуда взялась эта слѣпая вѣра, этотъ энтузіазмъ, охватившій массы?..

Читатели, вѣрно, слышали анекдотъ о томъ, какъ собралась толпа прохожихъ передъ окномъ магазина, въ которомъ были выставлены часы, необычайно сложнаго устройства. Всѣ ахаютъ, всѣ дивятся. Вдругъ какая-то чуйка съ гордостью заявляетъ: «Хитеръ нашъ братъ, мастеровой!»— А вы сами часовщикъ будете?—спрашиваетъ его сосѣдъ.—«Мы-то?—Нѣтъ! Мы—глинотопы!»

Смѣшно... Но какой глубокій смыслъ въ этомъ смѣшномъ словѣ!—Очевидно, «глинотопъ» считалъ часовщика «своимъ братомъ-мастеровымъ», только пошедшимъ другой дорогой, имѣвшимъ случай научиться тому, чего глинотопу узнать не довелось, а то бы и онъ не хуже сдѣлалъ.

Нѣчто подобное сказывалось въ настроеніи массъ, ожидавшихъ прибытія С. О Макарова.

Пріѣхалъ онъ въ Портъ-Артуръ 24 февраля, и

какъ разъ въ этотъ день удалось откачать «Ретвизанъ», стоявшій на мели, и ввести его въ гавань. Разумѣется, С. О. былъ тутъ ни при чемъ. Счастливое совпаденіе. Такъ и говорили въ каютъ-компаніи, хотя, по свойственному морякамъ суевѣрію, не забывали указать на «счастливую примѣту». На бакѣ разсуждали иначе; тамъ прямо говорили:—«Пріѣхалъ и распорядился».—«Нашъ братъ все можетъ—только дай волю!»

Почему строгій и требовательный адмиралъ считался «своимъ братомъ»?—Вотъ интересная задача для людей, занимающихся вопросами военной психологіи...

Не смѣю брать на себя ея рѣшенія, но кажется мнѣ, что вся суть была въ простотѣ обращенія ученаго мастера съ глинотопами. Между ними не было глухой стѣны—вѣками взращеннаго недовѣрія простого народа къ господамъ. Пословица о томъ, что «добрая слава лэжитъ, а худая бѣжитъ», справедлива лишь въ примѣненіи къ сплетнѣ, а не къ здравой, сердечной оцѣнкѣ, какую «мужикъ» даетъ «барину». И что всего важнѣе: нашъ «простой человѣкъ» тяжелъ на воспріятіе опредѣленнаго рѣшенія (долго мнется, долго въ затылкѣ почесываетъ), но ужъ разъ увѣрился—по гробъ жизни уперся.

С. О. Макарова, еще не видѣвъ (можетъ-быть недавно прибывшіе изъ Кронштадта поразсказывали?), сразу признали «своимъ братомъ». А въ этомъ—все.

Существуетъ мнѣніе, что «простой народъ», какъ ребенокъ, наиболѣе податливъ на впечатлѣнія внѣшней пышности и величія, что они чаруютъ его, заставляютъ видѣть въ начальникѣ нѣчто въ родѣ земного бога. Въ мирное время, пожалуй, такая теорія можетъ имѣть успѣхъ, но на войнѣ она рушится при первой же перестрѣлкѣ. Самый захудалый и забитый нижній чинъ не можетъ не сообразить, что сунься начальникъ подъ огонь непріятеля—осколокъ снаряда разбирать не станетъ, въ чей лобъ угодить. Но если таково равенство передъ лицомъ смерти, то и въ жизни не *должно* быть неравенства, ибо «земной богъ», по существу, такой же за-урядъ человѣкъ, какъ любой матросъ второй статьи...

Плохо придется тому «мастеру», по отношенію къ которому «глинотопы» прозрѣютъ лишь въ критическую минуту; но какихъ чудесъ не натворитъ съ ними тотъ, кого они издавна считали «своимъ братомъ», старшимъ товарищемъ, успѣхами котораго хвалились передъ окружающими, считая ихъ «своими»!..

Адмиралъ Алексѣевъ былъ наиболѣе яркимъ

выразителемъ перваго направленія, адмиралъ Макаровъ—второго.

Очевидцы удостовѣряютъ, что строгостью этикета и пышностью церемоніала дворъ намѣстника въ значительной степени превосходилъ дворы конституціонныхъ королей, не говоря уже о президентахъ республикъ. Не только самоличное посѣщеніе корабля, но даже случайный проѣздъ мимо него служили поводомъ къ параду. Чтобы «не прозѣвать», была выработана цѣлая система. Идетъ крытый паровой катеръ, одинъ изъ тѣхъ, что предназначались для «особъ». Какъ догадаться, находится ли въ рубкѣ «особа»?—Есть указаніе. Если баковый матросъ сидитъ или стоитъ въ небрежной позѣ—начальства нѣтъ; если же онъ стоитъ на вытяжку и держитъ въ слегка приподнятой рукѣ красный флажокъ — прекращаются всѣ работы, команда и офицеры бросаютъ свое дѣло и бѣгутъ «во-фронтъ», на видномъ мѣстѣ выстраивается караулъ, и горнистъ играетъ «привѣтствіе». Иногда тѣмъ и кончается; но иной разъ изъ рубки катера появляется голова начальства; все замерло... однако, за шумомъ машины катера или въ виду значительнаго разстоянія, рѣдко бываетъ возможно разобрать, просто «оно» смотритъ или говоритъ что-нибудь. Тутъ—новое указаніе: изъ-за «его»

спины машетъ чья-то рука; сигналъ принимается на кораблѣ, и дружное—«Здравія желаемъ, ваше превосходительство!»—несется въ отвѣтъ на никѣмъ не слышанное привѣтствіе... «Оно» все еще смотритъ, не прячется въ рубку... Что бы это значило?—Вдругъ изъ-за «его» спины опять энергично жестикулируетъ благодѣтельная рука, и опять рявкаютъ сотни голосовъ: «Рады стараться, ваше превосходительство!»

Не разъ крейсера получали приказаніе дать крюкъ въ сотни миль, чтобы къ нужному сроку доставить въ Портъ-Артуръ цвѣты и фрукты. Въ 1900-мъ году вся эскадра, находившаяся въ Мазампо и другихъ портахъ южной Кореи и занимавшаяся тамъ артиллерійской и минной стрѣльбой, была экстренно созвана въ Портъ-Артуръ, гдѣ никакихъ такихъ ученій нельзя было производить изъ-за морозовъ и зимнихъ штормовъ, но гдѣ 14-го февраля, на масляницѣ, былъ назначенъ большой балъ, и предвидѣлся недостатокъ въ кавалерахъ...

Утверждали даже, что неготовность эскадры къ отраженію минной атаки въ ночь съ 26-го на 27 ое января, равно какъ и неготовность береговыхъ батарей къ бою утромъ 27-го января отнюдь не являлись результатомъ какого-то недоразумѣнія

или недостаточной освѣдомленности: въ Портъ-Артурѣ очень хорошо знали о состоявшемся перерывѣ переговоровъ и отозваніи посланниковъ, а когда изъ Чифу пришелъ пароходъ съ японскимъ консуломъ, спѣшно забравшій всѣхъ японцевъ, проживавшихъ на Квантунѣ, то ни у кого уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что это—«война». Но... эскадра не приготовилась по боевому; гарнизоны фортовъ пребывали въ городскихъ казармахъ, а пушки на батареяхъ—«по зимнему». И все это потому, что нельзя же было такъ, попросту, объявить: «Будьте готовы къ отраженію атаки». На 27-ое января предполагалось молебствіе, парадъ, объѣздъ воинскихъ частей и судовъ эскадры, торжественныя рѣчи съ призывомъ «стать грудью, лечь костьми, не щадя живота, до послѣдней капли крови...» Досадно, что японцы не отложили начала военныхъ дѣйствій всего только на сутки. Надо думать, что 28-го января ихъ встрѣтили бы иначе, чѣмъ наканунѣ...

Не смѣю ручаться за достовѣрность этого «слуха», но онъ такъ упорно держался и на эскадрѣ, и на берегу... А вѣдь дыма безъ огня не бываетъ.

С. О. Макаровъ, прибывъ въ Портъ-Артуръ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отмѣнилъ всякіе

церемоніалы, заявивъ, что службой этого рода займемся послѣ войны. Интересующихся подробностями отсылаю къ «Расплатѣ», а здѣсь позволю себѣ разсказать объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ въ моей книгѣ упомянуто лишь вскользь.

Вѣроятно, въ интересахъ торжества централизаціи власти и полнѣйшаго единообразія, на эскадрѣ былъ заведенъ такой порядокъ, что (кажется, по четвергамъ) командиръ каждаго корабля представлялъ въ штабъ подробный (по днямъ и часамъ) проектъ ученій и занятій, которыя онъ собирается произвести въ теченіе будущей недѣли. Списокъ ученій и занятій, утвержденный высшимъ начальствомъ, содержалъ въ себѣ 286 нумеровъ, почему въ проектѣ должно было помѣстить нумеровъ какъ можно больше и поразнообразнѣе. Это свидѣтельствовало о стараніи и вызывало одобреніе. Всѣ «проекты» просматривались (иногда даже исправлялись) въ штабѣ, и въ субботу выходилъ огромный циркуляръ, называвшійся въ каютъ-компаніяхъ «простыней», а оффиціально именовавшійся расписаніемъ ученій и занятій судовъ эскадры съ такого-то по такое-то число.

— Какова организація!—восхищались въ Петербургѣ, читая отчеты.—Какова ерунда!—ворчали люди, чувствовавшіе себя связанными по

рукамъ и по ногамъ, желавшіе всей душой дѣлать дѣло и вынужденные, вмѣсто того, «отбывать нумера».

Надо ли говорить, что С. О. Макаровъ разрушилъ эту систему въ корнѣ? Онъ съ перваго же шага обратился къ своимъ командирамъ, офицерамъ и командѣ съ живымъ словомъ, призывая къ дружной работѣ, приказывалъ, просилъ и убѣждалъ не стѣсняться никакими формальностями и не покладать рукъ въ пополненіи накопившихся недочетовъ матеріальной части или пробѣловъ въ обученіи. «Хочу вѣрить—говорилъ онъ,—что всѣ, отъ адмирала до новобранца, даже во снѣ будутъ заняты одной мыслью: о наилучшей подготовкѣ и себя, и своей части къ бою!»

И онъ могъ бы смѣло сказать, что его подчиненные не обманули оказаннаго имъ довѣрія. Никогда, даже въ лучшіе дни эскадры, не наблюдалъ я на судахъ ея такой кипучей дѣятельности... Да что на судахъ!—въ порту! Понимаете ли?—въ порту, гдѣ искони «бумажка»—единственное «святое дѣло», гдѣ изъ рода въ родъ передается завѣтъ, что «небо и земля прейдутъ, а отчетность пребудетъ во вѣки»—и тамъ повѣяло жизнью...

Труднѣе будетъ повѣрить, что послѣ гибели

Макарова о заведенныхъ имъ ересяхъ открыто и заикнуться не смѣли. Едва лишь на смѣну флага, ушедшаго на дно моря вмѣстѣ съ «Петропавловскомъ», взвился на мачтѣ «Севастополя» флагъ намѣстника, какъ вновь по субботамъ начали выходить «простыни», на которыя (между нами будь сказано) обращали теперь очень мало вниманія. Кое-что «макаровское» все же осталось, и кое-гдѣ продолжали «дѣлать дѣло», хотя украдкой, чтобы «не прогнѣвать»...

Были люди (и въ Портъ-Артурѣ, и въ Петербургѣ), говорившіе, что Макаровъ погибъ жертвой собственной неосторожности, что онъ слишкомъ рисковалъ собою, на что не имѣетъ права «командующій флотомъ», что онъ слишкомъ переутомлялся, что, увлекаясь мелочами, разбрасываясь, онъ забывалъ о существенномъ—и пошелъ со своимъ броненосцемъ на минную банку, постановку которой видѣлъ наканунѣ собственными глазами.

Что касается риска, то кто же изъ тѣхъ полководцевъ, имена которыхъ сохранились не только въ книжной исторіи, но и въ памяти народныхъ массъ, не рисковалъ собою? Цезарь, Баяръ, Густавъ-Адольфъ, Петръ Великій, Суворовъ, Наполеонъ, Скобелевъ. Объ адмиралахъ и говорить

нечего (вспомните хотя бы Нельсона), такъ какъ, по самому роду своей службы, во время боя они всегда въ центрѣ огня, въ центрѣ опасности. Вѣдь непріятель только и мечтаетъ о томъ, чтобы подбить адмиральскій корабль, вывести адмирала изъ строя! Въ этомъ—залогъ успѣха. Главнокомандующій сухопутной арміей *посылаетъ* войска въ бой. Адмиралъ *ведетъ* свою эскадру къ смерти или побѣдѣ... Можно ли при такой обстановкѣ говорить о рискѣ? Можно ли думать, что массы, видя своего начальника «никогда не рискующимъ», проникнутся сознаніемъ, что онъ бережетъ себя для рѣшительнаго момента?.. Не естественнѣе ли предположить, что въ ихъ голову западетъ мысль: «отъ перестрѣлки прячется! а куда же забьется, когда дойдетъ до настоящаго?»

Выходъ С. О. Макарова на «Новикѣ», подъ своимъ флагомъ, на встрѣчу японскимъ крейсерамъ, разстрѣливавшимъ «Стерегущаго», конечно, былъ рискомъ, но каково было впечатлѣніе отъ этого выхода! Не хочу повторяться; напомню лишь, что тогда же, въ моментъ совершившагося событія, я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Теперь, это—*его* эскадра!.. Смѣло можетъ сказать: *мои*!..» Вѣдь я, оглядываясь, видѣлъ въ глазахъ у многихъ что-то похожее на слезы—и если это дѣй-

ствительно были слезы, то слезы восторга, которыхъ стыдиться нечего...

Не громкими словами, не пышными фразами пробуждается то, что называется духомъ войска, но дѣломъ, личнымъ примѣромъ. Попробуйте догадаться, что творилось въ душѣ любого матроса, видѣвшаго, какъ самъ командующій флотомъ, ни минуты не задумываясь, кинулся на выручку какого-то миноносца, гибель котораго была очевидна, и оставалась лишь слабая надежда спасти товарищей отъ смерти или плѣна.

Возвращеніе въ гавань «Новика» подъ флагомъ Макарова было его тріумфомъ. И не только со стороны эскадры. Весь гарнизонъ фортовъ и батарей усѣялъ бруствера; все населеніе порта и города высыпало на набережныя, чтобы привѣтствовать адмирала, возвращавшагося... послѣ неудачи, которая оцѣнивалась выше побѣды.

По этому поводу не могу не вспомнить другого эпизода, имѣвшаго мѣсто въ 1900-мъ году, при осадѣ Тянь-Цзиня. Гарнизонъ города составляли: 12-ый стрѣлковый полкъ, остатки судовыхъ дессантовъ союзной эскадры, большинство которыхъ ушло съ адмираломъ Сеймуромъ на Пекинъ, и волонтеры (европейцы). Всего — едва 2.200 человѣкъ. На нихъ насѣдала китайская

армія, оцѣнивавшаяся въ 25.000 человѣкъ. Окруженіе полное. Приходилось уже «беречь боевые припасы». Бой—день и ночь. Душой обороны былъ командиръ 12-го полка, полковникъ Анисимовъ. Онъ, собственно говоря, не былъ старшимъ, но какъ-то такъ, само собою вышло, что всѣ обращались къ нему за приказаніями. И вотъ, доносятъ ему, что съ желѣзнодорожной станціи, на которую была направлена самая бѣшеная атака китайцевъ, прислали просить о подкрѣпленіи, сообщая, что гарнизонъ (стрѣлки Анисимова и англичане) выбивается изъ силъ и, что еще хуже, выскальзываетъ изъ рукъ начальниковъ.—Откуда взять подкрѣпленій? Ни одного человѣка въ резервѣ!—Анисимовъ отправляется самъ. Видитъ—стрѣлковая цѣпь залегла впереди станціи, на кладбищѣ, и, прикрываясь могильными холмиками, люди (наши и англичане) «жарятъ зря», почти безъ прицѣла, команды не слушаютъ. Чувствуется, что случись что-нибудь—паника... А китайцы придвинулись совсѣмъ близко, вотъ-вотъ бросятся на штурмъ...

Анисимовъ вышелъ впередъ цѣпи, усѣлся совершенно открыто на какой-то могилѣ, спиной къ непріятелю, подозвалъ къ себѣ обоихъ офицеровъ (своего стрѣлка и англичанина) и вступилъ съ

ними въ разговоръ, въ то же время скрутивъ, вставивъ въ мундштукъ и закуривъ папиросу... Безпорядочная пальба въ цѣпи прекратилась. Стали стрѣлять рѣже, съ прицѣломъ... потомъ бить только на выборъ особенно расхрабрившихся китайцевъ, и въ результатѣ—тѣ не дошли.

Вечеромъ того же дня начальникъ англійскихъ дессантовъ, капитанъ Baley (командиръ крейсера «Аврора»), пришелъ къ Анисимову въ сопровожденіи двухъ своихъ офицеровъ и заявилъ: «Не откажите намъ въ чести считаться вашими солдатами».

— Хорошо, что такъ кончилось — скажутъ мнѣ.—А еслибы Анисимовъ былъ убитъ? — Ну, что же?—отвѣчаю я.—Надо надѣяться, что капитанъ Baley такъ же спокойно курилъ бы сигару или трубку, какъ Анисимовъ — свою папиросу...

Весь вопросъ въ томъ: найдется ли достойный замѣститель выбывшему начальнику? И главное: вѣрятъ ли массы, что погибшій не былъ единственнымъ?

Этой-то вѣры и не было на артурской эскадрѣ...

Еслибы, какимъ-нибудь чудомъ, немедленно вслѣдъ за Макаровымъ вступилъ въ командованіе флотомъ Дубасовъ, Чухнинъ или Рожественскій—гибель любимаго адмирала вызвала бы только

духъ мщенія; но флагъ намѣстника на «Севастополѣ» вызывалъ лишь ироническія замѣчанія, что «это—для видимости».

Въ роковой день 31-марта я записалъ въ своемъ дневникѣ, какъ я корилъ старшаго боцмана за его «похоронный» видъ, требовалъ, чтобы онъ всячески подбодрялъ команду, внушая, что безъ потерь нельзя—на то и война... А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Что броненосецъ? Хоть бы два, да еще пару крейсеровъ въ придачу!—*Голова пропала*!..»

Думаю, что лучше этого надгробнаго слова, вырвавшагося изъ глубины души стараго морского волка—не сочинишь...

Въ заключеніе — кое-что по поводу «напраснаго переутомленія, результатомъ котораго явилась неосмотрительность» и т. д.

С. О. Макаровъ былъ человѣкомъ, поражавшимъ своей работоспособностью, но никогда не допускавшимъ переутомленія. Много разъ онъ меня отчитывалъ за мою манеру работать «запоемъ», кончить порученное мнѣ дѣло въ наикратчайшій срокъ, а потомъ отдохнуть во-всю.—Поймите—говорилъ онъ,—что нельзя ни наѣсться, ни напиться, ни выспаться за двое сутокъ впередъ или назадъ! Вотъ, какъ на большой встрѣчной волнѣ—винты то вертятся, какъ сумасшедшіе, въ воздухѣ, то ра-

ботаютъ медленнѣе обыкновеннаго, уйдя глубоко въ воду....Пусть, въ среднемъ, число оборотовъ за часъ будетъ почти нормальное, но вѣдь «перебой» вреденъ машинѣ! Зачѣмъ же вы свою машину портите? Поработали и—законный отдыхъ.

— Да если не спится? Если въ головѣ дѣло, которое надо кончить?

— Вотъ этого я не понимаю!

И онъ, дѣйствительно, не понималъ «этого». Выше я говорилъ уже объ его удивительной способности, рѣшивъ, что можно отдохнуть, лечь и моментально заснуть, хотя бы на полчаса, а чуть разбудятъ — оказаться свѣжимъ, бодрымъ, безъ всякаго признака промежуточнаго состоянія полусна, полу-бодрствованія. При этомъ онъ строго наблюдалъ, чтобы, въ общей сложности, за сутки было не менѣе семи часовъ сна, безъ чего «работоспособность понижается».

Не буду вторично описывать ночь съ 30-го на 31-е марта, проведенную адмираломъ на «Діанѣ»; позволю себѣ лишь добавить нѣсколько подробностей, опущенныхъ мною въ «Расплатѣ» съ цѣлью не загромождать общей картины небольшими деталями.

Адмиралъ прибылъ къ намъ около 10 часовъ вечера, путемъ довольно необычнымъ для такого

высокаго чина. Крейсеръ стоялъ съ откинутыми сѣтями, а потому подойти къ его борту было невозможно. Катеръ «командующаго флотомъ» присталъ къ кормѣ, и С. О., съ ловкостью мичмана, поднялся на палубу по штормъ-трапу (веревочная лѣстница) и даже разсердился, когда наверху его подхватили подъ-руки.

Адмиралъ, не дослушавъ оффиціальнаго рапорта командира, поздоровался съ нимъ, пожалъ руку командиру кормового плутонга, находящагося здѣсь по долгу службы, затѣмъ, несмотря на слабое освѣщеніе, призналъ меня и поздравилъ съ «Монаршей милостью» (значитъ помнилъ такую мелочь, какъ мое производство въ слѣдующій чинъ), прошелся по батареямъ, заговаривая попросту, по-товарищески, съ офицерами и нижними чинами очередной вахты...

Въ концѣ обхода «наверху что-то увидѣли» и открыли прожекторы. Рѣшивъ, что стрѣлять нельзя, но приказавъ точно записать румбъ и «антретное» (на глазъ) разстояніе, чтобы завтра же протралить это мѣсто, — «не набросали бы какой дряни»,—адмиралъ спустился внизъ, въ капитанскую каюту, распорядился «чуть что подозрительное—разбудить немедленно, а если ничего не будетъ, то въ 4 часа утра»,—легъ на диванъ и, по

своему обыкновенію, тотчасъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ противоположность ему мы, т.-е. офицеры крейсера, обновившаго мѣсто ночного дежурства на внѣшнемъ рейдѣ, да и пріѣхавшіе съ адмираломъ, почти всю ночь не спали; дремали по креслamъ и по диванамъ въ каютъ-компаніи, что-то ѣли, чтобы разогнать дрему...

Въ 4 часа адмирала разбудили, и въ 4 часа 15 минутъ онъ съѣхалъ съ крейсера, при чемъ выглядѣлъ много бодрѣе любого изъ насъ. На прощанье (должно-быть физіономія у меня была изрядно помятая) сказалъ мнѣ, полу-шутя, полусерьезно: — «Чего провожать выскакивали? Сказано—безъ парада! Церемоній йстеры!»

А черезъ три часа? Когда «Діана» пропускала мимо себя «Петропавловскъ», выжидая своей очереди вступить въ строй, и когда мы видѣли въ послѣдній разъ «нашего адмирала», съ лѣваго крыла мостика броненосца здоровавшагося съ нашей командой и крикнувшаго свое любимое: «Дай Богъ! Въ добрый часъ!»—отвѣтомъ на что было не уставное: «Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!» — а стихійное «ура!...» — Да развѣ въ этотъ моментъ осмѣлился бы кто-нибудь помыслить, что «онъ» переутомился? Что «онъ»

о чемъ-то забылъ, чего-то не доглядѣлъ?.. «Онъ»-то?—моложе молодого, онъ, чей голосъ безъ всякаго рупора, безъ всякихъ «условныхъ сигналовъ», мы слышали за сотню саженъ!..

Нѣтъ, по совѣсти надо сказать, что не было тутъ ни переутомленія, ни порожденной имъ забывчивости... Просто — судьба, жестокая судьба, неумолимо казнившая насъ за все время минувшей войны...

И этотъ ударъ былъ ужасенъ...

Для оцѣнки его не могу найти болѣе подходящаго слова, какъ сказанное старымъ боцманомъ:

— Голова пропала!..

II.

Я хочу говорить о «дѣдушкѣ» нашего минаго флота.

Это—пароходъ «Великій Князь Константинъ», передъ началомъ русско-турецкой войны купленный морскимъ министерствомъ у «Русскаго общества пароходства и торговли», а—правильнѣе сказать—командиръ этого парохода, лейтенантъ С. О. Макаровъ, погибшій подъ Артуромъ на броненосцѣ «Петропавловскъ» въ чинѣ вице-адмирала и въ званіи командующаго флотомъ.

«Константинъ», терроризировавшій турецкій флотъ, былъ дѣтищемъ покойнаго.

Какъ только пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ разгорѣлся такъ, что необходимость тушить его русской кровью сдѣлалась очевидной и неизбѣжной,—молодой лейтенантъ началъ осаждать начальство своими записками и докладами.

По его мнѣнію, мы, не имѣя флота на Черномъ морѣ, все же могли не позволить турецкому

флоту владѣть этимъ моремъ, использовавъ съ этою цѣлью новое, хотя еще не испытанное въ бою, но грозное оружіе—мины.

Молодой лейтенантъ доказывалъ членамъ адмиралтейства, что небольшой пароходъ смѣло можетъ нести на боканцахъ нѣсколько паровыхъ катеровъ, въ нужный моментъ, придя по назначенію, спускать ихъ на воду съ разведенными парами и въ полномъ боевомъ снаряженіи (въ то время это почиталось великой ересью) и посылать въ атаку, а затѣмъ—собирать на условленномъ рандеву, подымать на бортъ и увозить.

Проектъ его, первоначально, былъ признанъ «непріемлемымъ».

По этому поводу позволю себѣ маленькое отступленіе въ доказательство того, что исторія повторяется, но никогда никого и ничему не учитъ.

Въ царствованіе Императора Павла, полковникъ артиллеріи Фридриксъ подалъ въ Адмиралтействъ-Коллегію записку о возможности и высокой пользѣ постройки судовъ не изъ дерева, но изъ желѣза. Члены Адмиралтействъ-Коллегіи признали эту записку... едва ли не бредомъ сумасшедшаго, почему (по докладу Адмиралтействъ-Коллегіи) она и удостоилась такой резолюціи: «Полковнику Фридриксу отказать, такъ какъ представленные

имъ проекты найдены неудобными и несообразными».

А что, если бы мы были піонерами въ дѣлѣ желѣзнаго судостроенія? не отозвалось бы это на ходѣ Крымской кампаніи?..

Честь первой попытки создать подводную лодку безспорно принадлежитъ сѣверо-американцамъ, но у нихъ, по окончаніи гражданской войны, идея эта, словно, заглохла. Возродилась она въ Россіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, когда нѣкій Александровскій (по профессіи фотографъ) предложилъ свой проектъ. Спеціалисты предприняли съ лодкой рядъ самыхъ удивительныхъ опытовъ, ставя ее въ положенія, въ которыхъ ей никогда бы (по проекту) быть не приходилось, утопили ее и объявили «утопіей».

А что, если бы мы тогда же взялись за разработку этой «утопіи»? не поостереглись ли бы японцы, еще не имѣвшіе подводныхъ лодокъ, подходить къ берегамъ нашихъ дальне-восточныхъ владѣній?..

Впрочемъ, и въ наши дни подводныя лодки объявляются urbi et orbi «оружіемъ будущаго», а угрозой воздушнымъ флотомъ, прямо, пренебрегаютъ. Вѣроятно, тоже считаютъ его «утопіей», потому что непріятельскіе дирижабли и аэропланы, потопивъ эскадру, сами исчезнутъ, «утопая въ сіяньи голубого дня...»

Но это къ слову. Возвращаюсь къ моему повѣствованію.

Какимъ путемъ—невѣдомо (какъ ни рылся въ архивѣ—не нашелъ данныхъ)—удалось лейтенанту довести свою докладную записку до ген.-адмирала, Великаго Князя Константина Николаевича.

Сразу же—«было приказано»—и зародился дѣдушка нашего миннаго флота.

Честь и слава покойному генералъ-адмиралу, который, не будучи рутинеромъ, оцѣнилъ геніальность идеи.

А идея дѣйствительно была геніальной, и можно лишь пожалѣть, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ миннаго флота (вплоть до нашихъ дней) она была искажена, осталась неиспользованной.

Минные катера С. О. Макарова при водоизмѣщеніи въ нѣсколько тоннъ и ничтожной цѣнности (какъ въ прямомъ смыслѣ этого слова,—въ случаѣ гибели, такъ и въ роли трофея,—въ случаѣ захвата непріятелемъ) являлись скорлупками, обладавшими огромнымъ раіономъ дѣйствій, такъ какъ этотъ раіонъ былъ равенъ раіону дѣйствій самаго парохода, несшаго ихъ на борту,—и силой, достаточной для истребленія сильнѣйшаго корабля непріятельскаго флота.

С. О. никогда не покидалъ этой глубоко спра-

ведливой идеи и не сочувствовалъ стремленію сдѣлать минныя суда автономными при посредствѣ прогрессивно - увеличивающагося водоизмѣщенія. Онъ, еще въ 80-хъ годахъ, проектировалъ строить быстроходные океанскіе транспорты, носящіе на борту цѣлый отрядъ минныхъ катеровъ.

— Къ чему идутъ?—говаривалъ онъ.— Отъ минныхъ катеровъ перешли къ миноноскамъ въ 20—30 тоннъ, отъ этихъ къ «миноносцамъ» въ 50, 80, 100, 150 тоннъ, сейчасъ *) добрались до 300 тоннъ и, несомнѣнно, пойдутъ еще дальше, будутъ строить цѣлые корабли въ 600, 800, 1.500 тоннъ, воображая, что строятъ минныя суда, и только, когда дойдутъ до миннаго крейсера, такого водоизмѣщенія, который будетъ въ состояніи нести на борту нѣсколько минныхъ катеровъ,— поймутъ свою ошибку.—Развивать, совершенствовать слѣдовало бы не типъ миннаго катера съ «Константина», а типъ самого «Константина».

Слова эти оказались пророческими. Уже теперь англичане просто вычеркнули изъ списковъ всѣ, такъ называемые, миноносцы, сохранивъ только destroyer'ы, которые хоть къ чему-нибудь годны, а строятъ вновь лишь минные крейсера водоизмѣщеніемъ въ 1.800 тоннъ, со скоростью

*) Я привожу разговоръ, имѣвшій мѣсто въ 1902 году.

36 узловъ и съ паровыми катерами на бокан-цахъ, причемъ эти катера снабжены миннымъ вооруженіемъ.

Идея С. О. Макарова торжествуетъ, но, увы! не у насъ, а заграницей.

При самомъ рожденіи своемъ она оказалась въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что не будь ея воспріемникомъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, не видать бы ей свѣта Божьяго.

Перехожу къ изложенію событій на основаніи документальныхъ данныхъ, добытыхъ мною изъ архива морского министерства.

Самой докладной записки съ проектомъ вооруженія парохода «В. К. Константинъ» и программой его дѣятельности мнѣ розыскать не удалось. Сообщаю лишь слышанное лично отъ покойнаго, который шутилъ, что это было «самое боевое время, куда хуже, чѣмъ въ дѣлахъ съ турками».

Первый документальный слѣдъ—рапортъ главнаго командира флота и портовъ Чернаго моря отъ 12-го января 1877 г., за № 9. Доносится, что «предназначенный для извѣстной цѣли пароходъ «В. К. Константинъ» вооружается, по проекту лейтенанта Макарова, буксирными и шестовыми минами, а также и четыре паровые катера, кото-

рые пароходъ «по предположенію лейтенанта Макарова» будетъ нести съ собою».

Рапортъ написанъ не безъ иронiи, на дѣлѣ же ироническое отношеніе къ дѣлу повело къ тому, что лишь 8-го марта удалось первый разъ выйти въ море для испытаній.

Не мало анекдотовъ разсказывалъ мнѣ покойный объ этомъ подготовительномъ періодѣ. Не привожу ихъ потому, что вполнѣ достаточно и общей характеристики—недоброжелательность къ «мальчишкѣ», который «думаетъ, что открылъ Америку, а на дѣлѣ со всѣми своими проектами «сядетъ въ лужу».

— *Вѣрите ли?*—восклицалъ С. О., когда рѣчь заходила о томъ, какъ ему «совали палки въ колеса». За всю мою жизнь не проявилъ я столько христіанскаго смиренія, какъ за эти два мѣсяца! Иной разъ, не только языкъ—руки!—такъ и чесались!.. Утѣшался мыслью, что «до конца претерпѣвый, той спасенъ будетъ...»

Съ 8-го по 13-е марта продолжалось пробное плаваніе, затѣмъ различныя ученья на рейдѣ. Руководилъ всѣмъ, конечно, лейтенантъ Макаровъ, а въ качествѣ наблюдателя и доносителя былъ командированъ контръ-адмиралъ Пилкинъ. Послѣдній проявилъ не только безпристрастіе, но

даже полное сочувствіе къ идеямъ «мальчишки», не только «не совалъ палокъ въ колеса» но, гдѣ могъ, приходилъ на помощь своей опытностью.

Практическое плаваніе оказалось вполнѣ удачнымъ. Молодой командиръ и его офицеры (всѣ—по его личному выбору) такъ и рвались въ драку. Отъ волонтеровъ, просившихся на пароходъ, собиравшійся дѣйствовать наступательно, отбою не было. Пришлось даже отдать особый приказъ, коимъ объявлялось, что «сверхъ комплекта» никого принимать не разрѣшается.

Наконецъ, 22-го апрѣля, главный командиръ телеграфировалъ управляющему морскимъ министерствомъ: «Пароходъ «Константинъ» въ полной готовности. Можно ли разрѣшить выходы. Непріятельскіе броненосцы ежедневно появляются въ виду нашихъ портовъ». Запросъ довольно двусмысленный, такъ какъ неясно: считаются ли броненосцы препятствіемъ къ «выходамъ», или, наоборотъ, «выходы» желательны для устрашенія броненосцевъ...

Зато отвѣтъ—резолюція генералъ-адмирала на телеграммѣ—былъ весьма категориченъ: «Разумѣется. Меня даже крайне удивляетъ, что объ этомъ насъ спрашиваетъ, а не дѣлаетъ самъ, разъ что война объявлена».

Спорить не приходилось. Предпріимчиваго командира выпустили въ море, снабдивъ предписаніемъ, въ которомъ были и мудрые совѣты «не увлекаться», и смутные намеки на «отвѣтственность», а больше всего разговоры о турецкихъ судахъ подъ коммерческимъ флагомъ, которыя, при невозможности доставить ихъ въ русскій портъ, слѣдуетъ уничтожать, тщательно провѣривъ и забравъ документы.

Неопредѣленность инструкцій не только не смутила, но даже обрадовала С. О., такъ какъ давала ему извѣстную свободу дѣйствій, а что касается намековъ на «отвѣтственность», то отвѣтственности за свои поступки онъ никогда не боялся.

29-го апрѣля, выйдя изъ Севастополя въ море за предѣлы видимости сигналовъ съ берега и рейда, и командиръ, и всѣ его офицеры радостно поздравляли другъ друга съ освобожденіемъ.

Во исполненіе предписанія «Константинъ» направился къ анатолійскому берегу, прошелся вдоль него на востокъ въ поискахъ за коммерческими судами, но ничего не нашелъ, а вечеромъ 30-го апрѣля, оказавшись близъ Батума, С. О. рѣшилъ, что настало время приступить къ осуществленію задачи, которую онъ считалъ основной—атако-

вать суда военнаго флота непріятеля, стоящія на собственномъ рейдѣ, защищенномъ береговыми батареями.

Первый блинъ вышелъ комомъ.

Въ разстояніи семи миль отъ Батума (около 10 ч. вечера 30-го апрѣля) «В. К. Константинъ» спустилъ всѣ четыре катера, вооруженные минами, которыя въ то время получили прозвище «летучекъ», хотя правильнѣе было бы назвать ихъ «нырками». Не рѣшаюсь описывать въ подробностяхъ это изобрѣтеніе С. О. Макарова, чтобы не наскучить читателямъ, слышавшимъ о современныхъ намъ самодвижущихся минахъ, совершающихъ пятиверстный путь по строго указанному курсу, за точнымъ сохраненіемъ котораго неусыпно наблюдаетъ особый приборъ (жироскопъ).—Буду кратокъ.

«Летучки» не имѣли собственнаго двигателя, а шли на буксирѣ парового катера, однако же не просто слѣдомъ за нимъ. По желанію человѣка, управлявшаго различными «оттяжками», онѣ могли маневрировать по сторонамъ катера.—Преимущество этихъ минъ передъ шестовыми заключалось въ томъ, что атакующій катеръ не былъ вынужденъ идти прямымъ курсомъ на атакуемый корабль (условія наиболѣе благопріятныя для раз-

стрѣла), но полнымъ ходомъ проходилъ мимо него, подводя «летучку» подъ его днище. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ хладнокровія и опытности командира катера, который наощупь, по напряженію концевъ, бывшихъ у него въ рукахъ, долженъ былъ почувствовать, опредѣлить: достаточно ли глубоко нырнула мина? коснулась ли она корпуса?—и тогда давалъ взрывъ.

Для перваго раза руководилъ экспедиціей самъ С. О. Макаровъ (на катерѣ «Минеръ»).—Пароходу, оставшемуся подъ командой старшаго офицера, приказано было держаться въ морѣ на опредѣленномъ курсѣ, изрѣдка подавая съ кормы условные сигналы, видимые лишь въ предѣлахъ очень узкаго сектора.

Подойдя ко входу на рейдъ, катера опознали сторожевой пароходъ-фрегатъ и тотчасъ пошли въ атаку. Первымъ поспѣлъ катеръ «Чесьма», подъ командой лейтенанта Зацареннаго, который удачно подвелъ мину и утверждалъ, что «опредѣленно почувствовалъ», какъ она «углубилась и коснулась», но, вслѣдствіе поврежденія въ проводникахъ, взрыва не произошло.—Въ то же время катера были замѣчены, и съ парохода-фрегата, и съ прочихъ судовъ, и съ береговыхъ батарей по нимъ былъ открытъ ожесточенный ружейный и

картечный огонь. Стрѣляли всѣ, кто могъ (это подтверждается и турецкими донесеніями), но катера не понесли никакого урона, хотя подъ первымъ впечатлѣніемъ такого пріема отступили, и атаки возобновить не рѣшились.

Въ своемъ донесеніи С. О. Макаровъ говорилъ, что эта неудача только подтвердила на опытѣ полную возможность успѣха, такъ какъ бѣшеный, но неуправляемый огонь людей, охваченныхъ паникой, оказался совершенно безвреднымъ, и напередъ это надо имѣть въ виду.

Позволю себѣ, къ слову, разсказать анекдотъ, имѣющій отношеніе къ этой атакѣ, слышанный мною отъ самого С. О.

— Въ черновикѣ донесенія, — разсказывалъ онъ,—я написалъ, что хотя взрыва не произошло изъ-за неисправности проводниковъ, но лейтенантомъ Зацареннымъ мина была «подведена глубоко и прочувствована». Термины эти я полагалъ достаточно извѣстными начальству и не находилъ нужнымъ вдаваться въ поясненія, а въ переписанномъ на чисто донесеніи, которое я не прочелъ достаточно внимательно, оказалась «глубоко-прочувствованная мина»! — Надъ чѣмъ всѣ много смѣялись.—И по праву! — Рекомендую вамъ не довѣряться переписчикамъ.

Какъ я сказалъ уже, подъ первымъ впечатлѣніемъ самъ С. О. далъ сигналъ объ отступленіи къ сборному пункту, но впечатлѣніе оказалось настолько сильнымъ, что изъ четырехъ катеровъ только два — «Минеръ» и «Наваринъ»—нашли пароходъ, а два другіе—«Чесьма» и «Синопъ»—сбились, растерялись и, наконецъ, приняли самое благоразумное рѣшеніе—вдоль берега направились въ Поти, куда благополучно прибыли на разсвѣтѣ слѣдующаго дня.

Телеграмма, составленная на основаніи ихъ показаній и не дававшая никакихъ свѣдѣній о судьбѣ двухъ другихъ катеровъ и самого парохода (а пароходъ въ это время разыскивалъ по берегу свои катера), произвела переполохъ въ Севастополѣ и большое огорченіе въ Петербургѣ.—Особенно заволновались, получивъ записку генералъ-адмирала:—«ужасно досадно, что мина дала осѣчку. Очень безпокоюсь о другихъ катерахъ и самомъ пароходѣ».—Немедленно же стали «отписываться».—Изъ Чернаго моря главный командиръ (адмиралъ Аркасъ) доносилъ, что лейтенантъ Макаровъ превысилъ данныя ему полномочія, отступилъ отъ точнаго выполненія даннаго ему предписанія и т. д., и т. д., какъ принято въ подобныхъ случаяхъ.

Трое сутокъ ни о пароходѣ, ни о его коман-

дирѣ не было ни слуху, ни духу. Являлось предположеніе о возможности какой-нибудь катастрофы. Тѣмъ усерднѣе «валили все на мертваго».

Когда, 3-го мая, пароходъ «В. К. Константинъ» пришелъ въ Севастополь, С. О. сначала возликовалъ, узнавъ, что катера, которые онъ считалъ погибшими, находятся въ Поти, а затѣмъ освѣдомившись о настроеніи, перепугался, что ужъ больше его никуда не пустятъ. Съ другой стороны, начальство—сначала обрадовалось, что пароходъ цѣлъ, а затѣмъ разразилось гнѣвомъ по поводу самовольства его командира.

27 лѣтъ послѣ того, смѣлые выходы С. О. съ эскадрой изъ П.-Артура иронически величали «авантюрами», но въ то время это слово еще не вошло въ обиходъ,—выражались не столь мягко...

6-го мая «В. К. Константинъ» отправился изъ Севастополя въ Поти за своими катерами—«Чесьма» и «Синопъ».

На этотъ разъ командиру было дано не только предписаніе, но еще и инструкція, каковыми категорически указывалось ему «соблюдать благоразуміе»,- отнюдь «не зарываться», не воображать, что онъ посланъ «въ крейсерство» и т. п.

Однако же, по пословицѣ, что горбатаго только могила исправитъ,—С. О. и тутъ рискнулъ ослу-

шаться. Въ ночь съ 6-го на 7-е мая, прибывъ въ Поти и принявъ свои катера, онъ не только пустился въ крейсерство, но даже рѣшилъ разыскать и атаковать Сухумскую эскадру.—Офицеры и команда приняли это рѣшеніе восторженно.—Ужъ очень обидной казалась батумская неудача.

Въ ночь на 8-е мая подошли къ Сухуму.—Не повезло.—Такой туманъ, что послать катера въ экспедицію оказывалось невозможнымъ:—не только непріятеля не разыскали бы, но и назадъ дороги не нашли бы.—С. О. никогда не отрицалъ существованія слова «невозможно» и съ уваженіемъ относился къ стихіямъ, не признавая лишь шестой, именуемой «настроеніемъ начальства».

Обождали слѣдующей ночи, но эта, какъ на зло, оказалась черезчуръ ясной и свѣтлой:—почти—полная луна заходила лишь за два часа до восхода солнца.

Съ горя пошли на крейсерство къ анатолійскому берегу, расчитывая произвести переполохъ въ Синопѣ, но (ужъ коли не повезетъ—такъ не повезетъ) заревѣлъ S. W.

Промаявшись съ нимъ двое сутокъ, въ надеждѣ, что стихнетъ, и не дождавшись вернулись въ Севастополь 13-го мая.

Тутъ разумѣется, и громъ, и молнія.—Снова

спасло заступничество генералъ-адмирала, который на донесеніи главнаго командира, явно недовольнаго флибустьерскими наклонностями молодого лейтенанта, отвѣтилъ, что назначеніе парохода— «нанести возможно большій вредъ непріятелю», а потому не слѣдуетъ «ограничивать» командира въ проявленіи имъ личной иниціативы, но наоборотъ дать ему «полный просторъ», такъ какъ ему на мѣстѣ виднѣе, и—«вполнѣ положиться на него».

— Знаете ли?—смѣясь, вспоминалъ объ этомъ времени С. О.—Какъ на биржѣ! — то падаютъ акціи, то подымаются. — Но я всегда игралъ на повышеніе!

Въ ночь съ 28-го на 29-е мая подъ общимъ начальствомъ С. О. Макарова (очевидно акціи стояли высоко) была снаряжена экспедиція изъ пароходовъ «В. К. Константинъ» и «Владиміръ» для нападенія на непріятельскіе корабли, стоящіе у Сулина.

Около 2 ч. ночи, въ 5 миляхъ отъ рейда, опознавъ три какіе то корабля, пустили минные катера въ атаку.

Однако турки, наученные опытомъ, не стояли уже на вольной водѣ, а отгородились бонами и даже, въ нѣсколько рядовъ.—Катеръ лейтенанта Рожественскаго, атакуя ближайшее изъ судовъ,

перескочилъ черезъ одинъ (впослѣдствіи при подъемѣ у него оказался сорваннымъ дополнительный киль—вещественное доказательство, что черезъ что то прыгалъ), но мина взорвалась о какое то слѣдующее препятствіе. Катеръ мичмана Пущина ударился въ цѣпной бонъ, разбился и затонулъ. Экипажъ былъ спасенъ турками и взятъ въ плѣнъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ лазутчиковъ, а также по газетамъ, выходило, что атака не была безрезультатной—одно изъ судовъ было выведено изъ строя.—Которому изъ катеровъ посчастливилось—осталось невыясненнымъ.

С. О. Макаровъ, ничего не зная объ участи Пущина, разыскивалъ его всю ночь по всѣмъ окрестностямъ, притыкался къ мели (но счастливо сошелъ), вступалъ въ бой и покинулъ поиски только въ 8 ч. утра, когда на него началъ насѣдать турецкій броненосецъ, не боявшійся минныхъ катеровъ днемъ.

По поводу этого дѣла самъ главный командиръ Черноморскаго флота счелъ долгомъ донести, что «лейтенантъ Макаровъ смѣлыми дѣйствіями и разумной распорядительностью вполнѣ оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія».

Чрезвычайно интересно, разбираясь въ бума-

гахъ архива, слѣдить за этой игрой «на повышеніе» и «на пониженіе» въ отзывахъ о С. О. Макаровѣ его прямого начальства, чутко слѣдившаго за «курсомъ» въ Петербургѣ, но нерѣдко обманывавшагося въ своемъ предвидѣніи.

Наиболѣе безпристрастнымъ, мнѣ кажется, можно признать мнѣніе, высказанное командующимъ войсками одесскаго округа (ген.-лейт. Семека), какъ человѣка, который, за дѣйствія вовсе ему неподчиненнаго парохода, не могъ ожидать лично ни похвалы, ни порицанія.

Въ своихъ донесеніяхъ онъ говоритъ, что первый же набѣгъ «В. К. Константина» заставилъ турокъ отказаться отъ мысли, что они владѣютъ моремъ.—Дѣйствительно, если при началѣ войны суда турецкаго флота «ежедневно появлялись въ виду нашихъ портовъ» (телегр. главн. ком. отъ 22-го апрѣля), то теперь это занятіе было ими вовсе оставлено. Даже на собственномъ рейдѣ имъ приходилось ограждаться бонами, сооружать препятствія, да и то, какъ показалъ опытъ Сулина, полной безопасности не достигалось. По поводу Сулина ген.-лейт. Семека писалъ (донесеніе 16-го іюня), что за неудачи и потери нельзя критиковать, такъ какъ «дѣло новое» и организовано на спѣхъ изъ того матеріала, что «былъ

подъ руками», а впечатлѣніе отъ атакъ—огромное.

6-го іюня «В. К. Константинъ» вышелъ въ крейсерство къ анатолійскому берегу.—Крейсерство продолжалось три дня, и къ вечеру 9-го іюня пароходъ уже вернулся въ Севастополь.

Объ этомъ плаваніи покойный вспоминать не любилъ.—Въ архивѣ я не нашелъ какой либо спеціальной, на этотъ случай, инструкціи или предписанія, но по ходу дѣла видно, что директива была дана весьма категорическая.—С. О. вопреки своему обычаю не только не искалъ военныхъ судовъ съ цѣлью ихъ атаковать, но даже явно уклонялся отъ встрѣчи съ ними...—Остановилъ и осмотрѣлъ англійскій пароходъ, затѣмъ, 8-го и 9-го іюня, уничтожилъ 4 турецкіе брига подъ коммерческимъ флагомъ, а затѣмъ рѣшилъ, что довольно, и пошелъ въ Севастополь, «... полагая (какъ онъ писалъ въ донесеніи о плаваніи), что цѣль крейсерства — навести панику, прекратить движеніе, а не истреблять частную собственность».

Такое откровенное заявленіе вызвало неудовольствіе генералъ-адмирала, не раздѣлявшаго подобнаго взгляда, о чемъ и было немедленно телеграфировано главному командиру съ приказаніемъ «поставить на видъ».

Акціи упали.

Отрывочные документы, попавшіе въ архивное дѣло, указываютъ, что въ концѣ іюня возникла цѣлая переписка по поводу ходатайства С. О. Макарова объ отпускѣ ему недавно пріобрѣтенныхъ (всегда та же исторія—какъ съ подводными лодками въ послѣдней войнѣ) самодвижущихся минъ Уайтхеда и аппаратовъ къ нимъ.

По началу—категорическій отказъ со стороны главнаго командира.—Попытка воздѣйствовать черезъ Петербургъ—не имѣла успѣха (видимо акціи стояли низко).—На запросъ адмирала Лисовскаго о мотивахъ отказа, главный командиръ прямо отвѣтилъ, что минъ пріобрѣтено всего нѣсколько штукъ по дорогой цѣнѣ, и растрачивать ихъ «понапрасну», отдавая въ руки людямъ, которые «не сумѣютъ съ ними управиться», — онъ находитъ вреднымъ.

С. О. посчастливилось найти заступника въ лицѣ адмирала Пилкина, который и съ самаго начала (см. выше), едва ли не единственный, относился сочувственно къ его смѣлымъ планамъ.

Почтительно, но не безъ яду, С. О. писалъ своему доброжелателю, что вполнѣ понимаетъ идею начальства, озабоченнаго сбереженіемъ драгоцѣннаго оружія, но, съ своей стороны, полагаетъ,

что если мина всю войну пролежитъ въ складѣ, цѣлехонькая, то сохранитъ только свою рыночную стоимость, если же взорвется, ткнувшись о корабль, который затонетъ отъ взрыва, то стоимость ея обломковъ будетъ равна стоимости потопленнаго корабля, не считая неподдающихся учету, накладныхъ процентовъ—успѣха.

Результатомъ возникшаго междоусобія былъ отпускъ на «В. К. Константинъ» двухъ минъ Уайтхеда.

Использовать ихъ удалось не скоро.—Фонды сильно упали, и для подъема ихъ, приходилось, пока что, ревностно приняться за дѣло, которое Макарову, прирожденному воину, было... несимпатично.

Съ 3-го по 6-е іюля—крейсерство у румелійскаго берега.—Безъ результата.—Еще «на пониженіе».

Съ 20-го по 23-е іюля—такое же крейсерство, но, на этотъ разъ, неожиданный набѣгъ къ самому Босфору, гдѣ, въ виду Константинополя, уничтожено 4 брига и одна кочерма.

Наградой раскаявшемуся грѣшнику было его возвращеніе къ боевой дѣятельности.

27-го іюля пароходъ «В. К. Константинъ» принимаетъ участіе въ конвоированіи отряда изъ

двухъ плавучихъ мортирныхъ батарей, шхунъ, баржъ и минныхъ катеровъ, предназначеннаго для дѣйствій въ Очаковскомъ гирлѣ, а вскорѣ же получаетъ и самостоятельное порученіе, порученіе весьма отвѣтственное, т. е. почетное.

Начну съ оффиціальнаго документа:

Телеграмма главнаго командира Черноморскаго флота отъ 9-го августа.

«Начальникъ Черноморской береговой линіи, полковникъ Шелковниковъ, телеграммой отъ 4 августа, сообщилъ мнѣ, что идетъ съ отрядомъ въ Абхазію, но что турецкій броненосецъ въ Гаграхъ постоянно охраняетъ проходъ (ущелье).Ославъ тотчасъ же пароходъ «Константинъ», подъ командой лейтенанта Макарова, къ кавказскимъ берегамъ для содѣйствія отряду ночнымъ нападеніемъ на броненосецъ, получилъ отъ командира изъ Сочи телеграмму, что ему удалось, 7 августа, отыскать въ Гаграхъ броненосецъ, который, завидя «Константина», погнался за нимъ. Погоня продолжалась два часа. Броненосецъ былъ по виду «Османіе», одинъ изъ наибольшихъ въ турецкомъ флотѣ. Шквалъ съ дождемъ и затѣмъ туманъ дали возможность «Константину» уйти въ Новороссійскъ, откуда онъ вчера опять отправился на поиски, но нигдѣ болѣе не встрѣтилъ непрія-

тельскихъ судовъ. Между тѣмъ я сейчасъ получилъ отъ Шелковникова телеграмму, въ которой онъ извѣщаетъ, что «Константинъ» поспѣлъ въ Гагры въ самую критическую минуту и увлекъ за собой броненосецъ. Командиръ, Макаровъ, догадался о положеніи дѣла по страшной кононадѣ броненосца въ теченіе цѣлой ночи и явился съ разсвѣтомъ.—Услуга, оказанная имъ, чрезвычайно велика. Шелковниковъ выражаетъ сердечную признательность, говоря, что помощь эта содѣйствовала одержанію блистательной побѣды при форсированіи неприступныхъ высотъ и гагринскаго прохода ввѣреннымъ ему отрядомъ».

Покойный адмиралъ былъ ревностнымъ сторонникомъ идеи, что мемуары, не имѣющіе опоры въ документахъ, — просто болтовня, вѣрить которой, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно.—Самъ онъ велъ строжайшую запись (краткую, въ полусловахъ) всего сдѣланнаго, видѣннаго и слышаннаго и въ этотъ свой дневникъ подклеивалъ вырѣзки изъ газетъ, приказы, выдержки изъ полученныхъ предписаній, телеграммъ и т. п.

Однажды, разговорившись о плаваніи «Константина», о которомъ любилъ вспоминать, онъ прочелъ это самое донесеніе (у меня, здѣсь, оно

списано съ архивнаго документа) и разсмѣялся и, захлопнувъ папку, сказалъ:

— Вотъ какъ пишется исторія.

— Развѣ... не правда?

— Сущая правда, но на дѣйствительность вовсе не похоже!—и, видя мое недоумѣніе, продолжалъ:—Реляція—не историческій документъ. Реляція составляется съ извѣстной тенденціей, а потому, хоть и не лжетъ, но отъ истины далека. Хотите знать, какъ было дѣло, если его разсказать попросту?

— Чрезвычайно интересно.

— Это не секретъ, и я съ васъ никакого обѣта молчанія не беру.—Случится побывать на войнѣ, сами десятки подобныхъ наблюденій сдѣлаете.—Мнѣ, къ тому же, все равно—моей репутаціи это не поколеблетъ, а для васъ (вѣдь вы пописываете?) поучительно.—Такъ вотъ, мнѣ это дѣло, по моимъ замѣткамъ, такъ представляется.

Погода была перемѣнная и преобладала скверная. Обошелъ я Туапсе, Сочи, Адлеръ и почти двое сутокъ болтался у Гагръ, разыскивая это самое знаменитое ущелье. Положеніе такое, что среди бѣла дня подходить близко къ берегу опасливо—раскатаетъ броненосецъ, какъ пить дастъ, а въ сумерки, да на разсвѣтѣ—не много высмо-

тришь. Но если мы не могли высмотрѣть броненосца, который караулитъ Гагринскій проходъ, то ужъ онъ-то и подавно не могъ высмотрѣть, при этой погодѣ, группы людей, движущихся по горнымъ тропинкамъ. Болтался, зря. А съ берега его, конечно, хорошо видѣли *). Въ эту ночь, померещилось ему, что ли, или донесеніе получилъ, что идутъ, или просто соскучился — началъ стрѣлять по ущелью. Ясно, что на-угадъ, потому что своимъ огнемъ никакого урона отряду не причинилъ. Съ своей стороны я услышалъ пальбу, рѣшилъ, что это здѣсь, и поспѣшилъ выполнить предписаніе, хотя и самъ еще не представлялъ себѣ, какъ я на него воздѣйствую. Нельзя же спускать катера передъ самымъ носомъ непріятеля! Вѣдь онъ же не позволитъ! Дѣло было на разсвѣтѣ. Ясно, что на фонѣ темнаго берега броненосецъ ничего не видѣлъ и стрѣлялъ для очистки совѣсти, а я, подходя съ моря, не видѣлъ броненосца. Въ то же время, съ берега въ море, Шелковниковъ прекрасно видѣлъ и меня, и броненосецъ и былъ увѣренъ, что бро-

*) Извѣстный фактъ, что ночью или въ ненастную погоду, корабль не видитъ не только какихъ-нибудь примѣтныхъ мѣстъ на берегу, но даже и самаго берега, а оттуда, на фонѣ неба, онъ виденъ вполнѣ отчетливо.

неносецъ его разстрѣливаетъ, а я спѣшу на выручку. По той же причинѣ, пока мы таращили глаза, высматривая турку, онъ насъ давно ужъ замѣтилъ и, махнувъ рукой на обстрѣлъ невидимаго ущелья, устремился на добычу, которая сама лѣзла ему въ ротъ. Мы его опознали миляхъ въ полутора, если не меньше. Не до атаки! давай Богъ ноги! Такой ful speed завернули, какъ, поди, и на пробѣ не случалось. А дѣло дрянь—нажимаетъ, вотъ-вотъ, начнетъ разыгрывать...—Пароходишко картонный съ начинкой изъ минъ...—Два-три удачныхъ выстрѣла — капутъ... — По счастью шквалъ налетѣлъ съ дождемъ, съ туманомъ, со всякой нечистью.—Зги не видно!—Увернулись!—Какъ разъяснило, не видать броненосца! потерялъ!—Слава тебѣ Господи!..—А тѣмъ временемъ на берегу «ура» кричатъ и лѣзутъ на штурмъ неприступныхъ высотъ, хотя свободно могли бы заняться этимъ дѣломъ и до нашего появленія. Вѣдь, если бы броненосецъ ихъ видѣлъ и дѣйствительно по нимъ стрѣлялъ, развѣ-жъ бы онъ бросилъ такое важное занятіе, ради погони за какимъ то пароходишкой обще-купеческаго образца?..

Привожу этотъ разговоръ, какъ образчикъ той прямоты, которую вносилъ во всякое дѣло покой-

ный адмиралъ, требовавшій, чтобы его подчиненные называли вещи ихъ собственными именами и говорили всегда правду—coûte que coûte.

Возвращаюсь къ исторіи плаванія «Константина».

По прибытіи парохода въ Новороссійскъ, погода рѣзко измѣнилась и вмѣсто «перемѣнной съ преобладаніемъ скверной» установилась великолѣпная.

С. О. Макаровъ, «узнавъ отъ береговыхъ властей о совершенномъ имъ подвигѣ» (его собственная добродушная иронія), рѣшилъ, что ему навѣрно «простятъ», если онъ предприметъ что нибудь сверхъ установленной программы, и даже, въ случаѣ неудачи, помилуютъ.

Помимо погоды, такъ и манившей «пошарить» по кавказскому берегу, было еще одно обстоятельство, которое С. О., не брезговавшій никакой мелочью, сумѣлъ учесть—полное лунное затменіе въ ночь съ 11 на 12 августа.

Не берусь судить, какъ относятся въ Турціи къ этому явленію теперь, 30 лѣтъ спустя, но въ то время, по завѣренію покойнаго адмирала, населеніе принимало самое дѣятельное участіе въ борьбѣ съ шайтаномъ, стремящимся «потушить» луну. Зажигали костры, били въ барабаны, стрѣ-

ляли изъ ружей и пистолетовъ—словомъ—всѣми мѣрами старались содѣйствовать побѣдѣ добрыхъ дэвовъ.

Можно ли было не использовать такого момента, когда всѣ правовѣрные (за крайне рѣдкими исключеніями) увлечены происходящимъ въ небѣ, а на землю и на море почти не смотрятъ.

Вечеромъ 11 августа «В. К. Константинъ» подошелъ къ Сухуму. Погода—ясно и штиль. Спустили катера:—«Чесьма» (лейт. Зацаренный), «Синопъ» (лейт. Писаревскій), «Наваринъ» (лейт. Вишневецкій), «Минеръ» (мичм. Нельсонъ-Гирстъ).—Судьба благопріятствовала—на берегу горѣлъ военный госпиталь, отвлекая къ себѣ вниманіе людей на сторожевыхъ постахъ.

Никѣмъ незамѣченные катера въ $11^1/_2$ ч. вечера подошли такъ близко, что ясно видѣли бѣлыя зданія, освѣщенныя заревомъ пожара.—Легко ориентировавшись, взяли курсъ прямо на Келассури, гдѣ, по свѣдѣніямъ, была стоянка военныхъ судовъ.—Не торопились однакоже,—ждали затменія, начало котораго въ 11 ч. 45 м. Въ 12 ч. 15 м. настолько стемнѣло, что дали «полный впередъ», собираясь произвести атаку. Въ 1 ч. 45 м. ночи полное затменіе. На берегу совсѣмъ свѣтло отъ пожара и отъ безчисленныхъ костровъ. Пальба;

бьютъ въ барабаны... (рапортъ лейт. Зацаренаго)—Опомнились только послѣ взрыва мины «Синопа» (лейт. Писаревскій) о броненосецъ «Ассари-Шефкетъ». стоявшій подъ самымъ берегомъ на швартовахъ.

Надо отдать справедливость туркамъ—на этотъ разъ они не растерялись, и ихъ паровые катера кинулись абордировать атакующихъ.

«Синопъ» имѣлъ настоящій бой грудь съ грудью, когда не только стрѣляли, но даже дрались въ рукопашную веслами и крюками.—Съ трудомъ вывернулся.—Пользуясь сумятицей, взорвали свои мины еще «Наваринъ» и «Минеръ». Сколько минъ угодило въ броненосецъ — оставалось невыясненнымъ.

Броненосецъ стоялъ «отшвартовавшись», т. е. вплотную къ берегу, на мелководьи, а потому, получивъ пробоины (одну, двѣ, три), только сѣлъ на дно—дальше тонуть было некуда.

Шелковниковъ доносилъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ черезъ лазутчиковъ, около броненосца работали трое сутокъ, а затѣмъ, откачавъ воду, увели его на буксирѣ въ Батумъ.

Этимъ эпизодомъ собственно и закончилась боевая карьера «Дѣдушки миннаго флота».

Лавры Мильтіада не давали спать Ѳемистоклу;

здѣсь же, совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, лавры Макарова не давали спать людямъ, которые находили, что война и безъ того «крестовый» походъ, а тутъ кто-то проявляетъ особую дѣятельность и тѣмъ создаетъ новую оцѣнку «подвиговъ», уменьшаетъ число крестовъ, по штату, безъ заботъ — безъ хлопотъ, имъ положенныхъ.

Сухумское дѣло, вопреки донесеніямъ участниковъ и свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ лазутчиковъ береговымъ начальствомъ (Шелконикова), пытались представить, кому слѣдуетъ, въ видѣ... мягко выражаясь, беззастѣнчиваго bluff'a со стороны С. О. Макарова, «такого талантливаго на всякія изобрѣтенія»...

Кампанія велась подъ шумокъ, на ушко,— способъ, бороться съ которымъ всего труднѣе,— и съ такимъ—успѣхомъ, что С. О. вынужденъ былъ ходатайствовать о назначеніи слѣдствія.— Истина восторжествовала, но безъ малаго годъ спустя послѣ заключенія мира.—Въ свое время цѣль была достигнута.

«Авантюриста» стали придерживать.

Въ сентябрѣ—пароходъ занимался перевозкой раненыхъ и ремонтировался въ Николаевѣ.

Въ октябрѣ — перевозилъ интендантскіе грузы.

Ноябрь—простоялъ въ Севастополѣ, красясь и ремонтируясь.

(Каково это было терпѣть командиру и его офицерамъ, считавшимъ себя предназначенными для активной боевой дѣятельности!)

Декабрь—опять транспортированіе кладей...—но въ половинѣ мѣсяца, какъ выражался С. О.—«посчастливилось, удалось отпроситься»...—Пустили на рекогносцировку къ Батуму.—Рекогносцировка, предпринятая 15-го декабря, завершилась (какъ и слѣдовало ожидать) атакой 16-го.—Участвовали четыре катера.—Были пущены двѣ мины Уайтхеда по броненосцу типа «Махмудіе».—Одна взорвалась. — Поднялась тревога. — Подъ огнемъ непріятеля, катера благополучно возвратились къ поджидавшему «Константину», который, согласно инструкціи, поспѣшилъ въ Севастополь.

Это была лебединая пѣсня. — Рѣшили, что «явно неисправимъ», а потому ни на шагъ отпускать нельзя.—До самаго окончанія войны,—ничего, кромѣ транспортной службы.

— Почему же такая громкая кличка «Дѣдушка миннаго флота»?—спросятъ читатели.—Нѣсколько атакъ, частью неудачныхъ, частью такихъ, удача которыхъ является сомнительной...—Вѣдь, пожалуй, основываясь на опытѣ, началь-

ство было совершенно право, сдерживая задоръ молодого командира, явно рисковавшаго и людьми, и катерами, и самымъ пароходомъ.—Въ чемъ выразился его успѣхъ?—Единственно въ уничтоженіи коммерческихъ судовъ, на чемъ настаивало начальство, да въ помощи отряду Шелковникова, опять таки по предписанію того же начальства, причемъ, какъ сами вы свидѣтельствуете, даже 25 лѣтъ спустя, онъ не любилъ вспоминать объ «охотѣ за беззащитными купцами», а къ своему «подвигу» у Гагръ относился явно иронически. А что, кромѣ этого, было имъ сдѣлано?

Отвѣтъ на такой вопросъ у меня готовъ:

— Черное море очищено отъ непріятельскаго флота, который при объявленіи войны считалъ себя полнымъ его хозяиномъ и, «ежедневно появляясь въ виду нашихъ портовъ», грозилъ всему нашему побережью.

Это сдѣлалъ пароходъ «Константинъ» подъ командой С. О. Макарова.

Важенъ былъ успѣхъ, и этотъ успѣхъ былъ достигнутъ. Не все ли равно какимъ путемъ—удачными или неудачными атаками, или даже одной угрозой ихъ возможности?

Фактъ тотъ, что непріятельскій флотъ, начавшій войну блокадой нашихъ портовъ, попрятался

по своимъ портамъ, да и тамъ не чувствовалъ себя въ безопасности.

Минные катера, прославившіеся на Дунаѣ, вовсе не были страшны боевымъ судамъ турецкаго флота, находившимся въ открытомъ морѣ или въ портахъ, удаленныхъ отъ устья Дуная хотя бы на нѣсколько десятковъ миль. — Страшны имъ были, заставляли ихъ прятаться тѣ катера, что находились на борту «Константина», а слѣдовательно обладали тѣмъ же раіономъ дѣйствія, что и самъ пароходъ.

Я говорилъ уже, что пророчество С. О. о дальнѣйшей эволюціи типа миннаго судна частью исполнилось, а въ будущемъ (какъ я вѣрю) осуществится во всемъ объемѣ.

Минувшая (русско-японская) война застала минные флоты всего міра въ промежуточной стадіи развитія. — Такъ называемые «эскадренные миноносцы» оказались, по пословицѣ,—«ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга».

(Не буду повторять здѣсь доводовъ, приведенныхъ въ моей статьѣ «Миноносцы и минные катера», напечатанной въ журналѣ «Общества ревнителей военныхъ знаній», книга четвертая, 1907 г.).

Если бы вмѣсто этихъ ублюдковъ, мы, слѣдуя

идеѣ С. О. Макарова, имѣли два—три парохода, обладающихъ огромнымъ раіономъ дѣйствія и такой скоростью, чтобы никакой непріятельскій крейсеръ за ними не могъ угнаться, а на этихъ пароходахъ — флотилію минныхъ катеровъ, то японцы, даже разбивъ нашъ линейный флотъ, не въ правѣ были бы считать себя хозяевами моря, пока имъ не удалось бы, тѣмъ или инымъ способомъ, истребить этихъ летучихъ голландцевъ.—Совершенно аналогично, какъ 30 лѣтъ тому назадъ Чернымъ моремъ владѣлъ «Константинъ», имѣвшій возможность въ любой его пунктъ и въ любой моментъ доставить свою минную силу.

Конечно, принимая во вниманіе колоссальные успѣхи техники, новый «Константинъ» будетъ значительно превосходить свой первообразъ и водоизмѣщеніемъ, и скоростью, и числомъ катеровъ, и ихъ размѣрами,—но идея останется та же.

Правильнѣе сказать—послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ опытовъ въ ложно взятомъ направленіи—возродится первоначальная идея во всей ея геніальной простотѣ.

Сбудется мечта покойнаго адмирала, и внуки «Константина» съ любовью помянутъ своего дѣда.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Печатаемыя нынѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ“, статьи были помѣщены въ 1909 и 1910 гг. въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Военномъ Сборникѣ“.

Сочиненія Вл. Семенова:

РАСПЛАТА—трилогія:

I. **Портъ-Артуръ и походъ второй эскадры.** — Съ приложеніемъ картъ и плановъ. — **5-е посмертное изданіе,** съ портретомъ автора. — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1913 г.—Цѣна 3 рубля.

II. **Бой при Цусимѣ.** — (Продолженіе „Порта-Артура и похода второй эскадры“).—**5-ое посмертное дополненное изданіе,** съ портретомъ адм. З. П. Рожественскаго и съ приложеніемъ статей адм. графа де-Орестисъ-ди-Кастельнуово и маркиза де-Баленкуръ.—Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. — 1913 г. — Цѣна 1 руб.

Рекомендовано Главн. Морскимъ Штабомъ для библіотекъ морского вѣдомства и Комитетомъ по образованію войскъ—для библіотекъ военнаго вѣдомства.

III. **Цѣна крови.** — (Продолженіе „Боя при Цусимѣ“).—**5-ое посмертное изданіе.** — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1913 г.—Цѣна 1 рубль.

НИППОНЪ-КАЙ ТАЙ-КАЙ-СЕНЪ. Великое сраженіе Японскаго моря (Цусимскій бой). Переводъ съ японскаго **Вл. Семенова.** — **5-е посмертное изданіе.** Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1912 г.—Цѣна 60 к.

„ФЛОТЪ“ и „МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“ ДО ЦУСИМЫ И ПОСЛѢ.— **3-е посмертное изданіе.**—Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ—1912 г.—Цѣна 90 коп.

СТРАШНОЕ СЛОВО. — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1910 г.—Цѣна 50 коп.

ЗАСѢДАНІЕ АДМИРАЛТЕЙСТВЪ-КОЛЛЕГІИ.— (Рождественская сказка-сатира). — **2-е посмертное изданіе.** — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1910 г.—Цѣна 25 коп.

ЦАРИЦА МІРА. — (Романъ-фантазія изъ эпохи воздушныхъ флотовъ). — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—1908 г.—Цѣна 75 коп.

ЦАРИ ВОЗДУХА. — (Продолженіе „Царицы міра“). — Спб. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ.—Цѣна 75 коп.

Цѣна 75 коп.

Черезъ магазины Т-ва М. О. Вольфъ можно выписывать:

всѣ три части трилогіи „Расплата“ въ переводѣ на англійскій, испанскій, итальянскій, нѣмецкій и французскій языки, а „Бой при Цусимѣ“, кромѣ того, еще въ переводѣ на голландскій, норвежскій, шведскій и японскій языки.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

„Дневникъ Вл. Семенова (1904—1909 гг.)“.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., В. О. 16 л., д. 5—7.